

**СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР
ДМИТРИЕВСКОЙ ВОЛОСТИ 20—30-х гг. XX в.
В ЗАПИСЯХ УСТЬЯНСКОГО КРАЕВЕДА
М. И. РОМАНОВА¹**

Публикация и комментарии А. Н. Власова

Принято считать, что первые записи устьянского фольклора были сделаны известным фольклористом-музыкологом Е. Э. Линевой в 1902 г. Однако сведения о поездке Е. Э. Линевой на Устье и Северную Двину появились достаточно поздно.² Имеются в виду публикации Ю. И. Марченко двух текстов групповой причеты и лирической протяжной песни «В лете калина...»,³ а также публикации отрывков полевого дневника Е. Э. Линевой.⁴ И только в 1975 г. на Устье специально для серьезной систематической работы по сбору фольклорно-этнографического материала направляются фольклористы-музыкологи Ленинградской консерватории (рук. А. М. Мехнецов). В результате появились

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры».

² Е. В. Гиппиус опубликовал несколько песен с голоса братьев Копыловых (с. Фоминское) из коллекции Е. Э. Линевой, но эти записи не относятся непосредственно к устьянской традиции. См.: Двадцать русских народных песен в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса: 1897—1935 / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979. С. 66.

³ *Марченко Ю. И.* 1) Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере // Из истории русской фольклористики. СПб., 1990. Вып. 3. С. 144—147; 2) Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 336.

⁴ *Смирнов Д. В.* Экспедиция Е. Э. Линевой на Устье // Живая старина. 2009. № 1. С. 43—46; *Щитин В. И.* По следам экспедиции Е. Э. Линевой на Устье // Живая старина. 2010. № 1. С. 55—57.

два выпуска сборника «Устьянские песни»,⁵ однако даже в них нет еще отсылок на экспедицию Линевой и другие материалы. Собранный материал лег в основу монографического исследования Е. И. Мельник (Якубовской) «Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области)».⁶ Кроме того, следует указать и на недавнюю публикацию рукописной записи свадебного обряда 1920-х гг. по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области.⁷

Таким образом, устьянская традиция благодаря собирательской работе и немногочисленным, но важным научным публикациям по музыкальному фольклору исследователей получила легитимный статус самобытной фольклорной традиции Русского Севера. Однако вне поля зрения исследователей оказалось множество записей устьянского фольклора, сделанных местными любителями, музейными сотрудниками, одиночками краеведами, школьными учителями, студентами областных вузов и т. д. Возможно, эти материалы позволят, во-первых, восполнить пробел в собирательской практике, который наблюдается с начала XX в. по 70-е гг. (более двух поколений носителей традиции), во-вторых, наиболее полно представить жанровый, сюжетный состав памятников устьянского фольклора, местных обычаев и верований.

Наиболее крупные коллекции архивных материалов по Устью можно обнаружить в Вельском краеведческом музее.⁸ Известно, что в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся две рукописи М. И. Романова: «Фольклор Устья»

⁵ Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983, 1984. Вып. 1, 2.

⁶ Мельник (Якубовская) Е. И. Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области) : Дис. ... канд. искусств. Л., 1985. Результаты исследования отражены также в статье: Мельник (Якубовская) Е. И. Песенный тип и вариант в локальной традиции // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция : Сборник научных статей. Л.: ЛОЛГК, 1985. С. 28—45.

⁷ Мехнецова К. А. Свадебный обряд 1920-х гг. глазами участника (по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области) // Рябининские чтения — 2011 : Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 444—446.

⁸ Власов А. Н. Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 593—594.

и «Словарь Устьянских народных говоров»; в Отделе рукописей РГБ, ф. 218-515-2 — копии записей М. И. Шалауровой-Федоровой.

Сложность введения в научный оборот этих ценных и многочисленных источников заключается не только в том, что они не всегда соответствуют критериям аутентичности, с профессиональной точки зрения, но и в том, что материалы разбросаны по разным хранилищам страны или находятся в частных руках и до сих пор остаются в не разобранном виде.

Михаил Иванович Романов (1886—1956), уроженец Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Вельского района Архангельской области), является значимой фигурой в местном краеведческом движении, о котором вышел небольшой биографический очерк в 2006 г.⁹ Им было издано: «История одного северного захоластья» (В. Устюг, 1925),¹⁰ в литературном альманахе «Север» за 1936 г. описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек».¹¹ «Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области, XVII—XX вв.» (М., 2004), «Хроника старого дома» (самиздат).

Еще в 1936—1937 гг. Романов подготовил к публикации сразу три крупных работы: «Фольклор Устья», «Говоры Устьянских волостей» и «История Устьянских волостей», но арест помешал осуществить его планы. После десяти лет ГУЛАГа здоровье его резко пошатнулось, и он почти не занимался исследовательской работой. После смерти в 1956 г. интерес к трудам и личности краеведа возобновляется только в 2000-х гг. в основном со стороны местной общественности: его имя носит улица в г. Вельске, библиотека в с. Дмитриево, с 2006 г. в Устьянском районном центре пос. Октябрьский проводятся ежегодные краеведческие конференции, посвященные его памяти, «Романовские чтения».¹² В настоящее время по инициативе Устьянского краеведческого музея

⁹ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера : Штрихи к портрету. Вельск, 2006. См. также: *Власов А. Н.* Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики. С. 594—595.

¹⁰ Первоначально он обратился за поддержкой в Вельский отдел Вологодского общества изучения Северного края (далее — ВОИСК), но получил отказ в связи с отсутствием средств. В итоге книга была напечатана в Великом Устюге, став на долгие годы своеобразной визитной карточкой краеведа, несмотря на последовавшую критику (*Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов... С. 17).

¹¹ Из фольклорных записей // Север : Альманах. Архангельск, 1936. № 1. С. 116—123.

¹² Усилиями местного музея издан диск, в котором помещены доклады и материалы «Романовских чтений» : Материалы I—IV Романовских чтений. П. Октябрьский, 2010.

и исследователей истории местного края ведется интенсивный поиск творческого наследия М. И. Романова с целью подготовки его к изданию.

Личная жизнь краеведа М. И. Романова имеет особую ценность для историка, в ней с редкой полнотой отразился разлом в истории России первой половины прошлого века. Человек незаурядный, Романов всегда был полон творческих идей, замыслов.

Весной 1922 г. он выступил инициатором создания Общества изучения Устьянского края с целью исследования местных архивов, исторические памятники которых гибли, «истлевая от сырости или съедаемые мышами, а то и нарочно сжигаемые». Он предполагал проводить дальнейшие исследования главным образом на территории Важского региона, с которым Устьянские волости составляли «одно целое». Поскольку в Вельске, куда он обратился за поддержкой, уже действовал отдел Вологодского общества изучения Северного края, его идея осталась на бумаге, хотя сам он в 1923 г. стал членом этого отдела.¹³

Определяющую роль в формировании интереса М. И. Романова к истории, языку, фольклору родного края сыграл архив Дмитриевской волостной земской избы, волею судьбы хранившийся в его родовом доме в д. Алферовской. В этом доме, построенном в 1745 г. прадедом бабушки М. И. Романова сотским Дмитриевской волости Потапом Михайловичем Синицким, первоначально размещалась волостная изба. В ходе губернской реформы Екатерины II Дмитриевская волость была включена в Бестужевскую, а волостная изба упразднена. В 1798 г. крепкое еще здание было передано под жилье приехавшему из с. Бестужево священнику Павлу Первушину. Вместе с домом крестьяне передали ему и амбар, в котором хранилась всеми забытая коробка с архивом Дмитриевской земской волостной избы. Первым начал разбирать и систематизировать содержимое коробки его отец — Иван Михайлович Романов. Кое-какие грамоты он отослал академику Николаю Петровичу Лихачеву. После смерти отца в 1918 г. архив оказался в опасном положении, так как документы начали использовать для домашних нужд. «Спасло дело мое возвращение с фронта гражданской войны в 1920-м году, — вспоминал позднее М. И. Романов. — Мне пришлось всерьез заняться этим архивом — памятником Дмитриевской устьянской старины, что сыграло исключительную роль во всей моей последующей жизни...»¹⁴

Анализируя письменные свидетельства той или иной эпохи, Романов умело вплетал их в ткань повествования о не-

¹³ *Веревкина Г. А.* Начало пути: М. И. Романов и Вельский отдел ВОИСК // Материалы I—IV Романовских чтений. П. Октябрьский, 2010. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 3.

легкой судьбе дмитриевских крестьян, находившихся под непосильным налоговым бременем государства. Это были, главным образом, подлинные грамоты XVII—XVIII вв. из собрания В. Ф. Кулакова, национализированного в декабре 1918 г. и положенного в основу Вельского музея, а также документы Верховажской ратуши и Верховажского Успенского собора, вывезенные В. М. Неклюдовым из Верховажья в октябре 1922 г. Согласно грамоте 1652 г. за «непослушание», т. е. неуплату налогов, правительство грозило ликвидировать земское самоуправление на Устье и приказывало «бить кнуты нещадно». Используя материалы первого важского краеведа М. Н. Мясникова, Романов описывает Важскую Благовещенскую ярмарку, на которую ездили и дмитриевские крестьяне. Будучи атеистом, он не упустил возможности показать негативное отношение крестьян и приходских священников к поборам в пользу новгородского митрополита, обильно цитируя челобитную 1636 г. из архива Верховажского Успенского собора.

Грамоты петровской эпохи характеризуют возросшие налоги и трудовые повинности, которые несло местное население в пользу государства. Так, в 1701 г. в связи с началом строительства около Архангельска каменной крепости Петр приказал сгонять туда всех каменщиков и подмастерьев, а для земляных и других работ посылать от пяти дворов по человеку и по подводе. Романов подверг резкой критике полицейский характер государства эпохи Петра I, в котором даже церковь превратилась в орудие политического сыска. В своей книге он использовал документ, в котором архиепископ Холмогорский и Важский Рафаил призывал священников нарушать тайну исповеди. Одновременно Романов отмечал, что «раскол пользовался большим уважением среди населения».

Как уже отмечалось выше, книга «История одного северного захолустья» была написана на основании архива Дмитриевской волостной земской избы, но материалы Вельского музея краеведения существенно дополнили ее и послужили яркой иллюстрацией описываемых автором событий местной истории.¹⁵

Надо признать, что исторические труды Романова в настоящее время представляют собой наиболее не разобранную часть архива.

Определенный научный интерес представляет «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской — Дмитриевской волости».¹⁶ Словарь Романова — это не просто сборник диалект-

¹⁵ *Веревкина Г. А.* Начало пути. С. 18.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. № 66 (Романов), оп. 5. М. И. Романов. Словарь Устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Материалы поступили в

ной лексики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.

Обратимся к структуре словарной статьи, посвященной свадебному обряду, например:

Баня невесты — *последнее перед свадьбой мытье невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами.*

Составитель включает слова, в статье о которых содержится попытка этимологического анализа:

Бедно — *обидно, горько. Бедно стало до слёз, / Бедно мне да забедно, / Бедно показалось... (из причета).*

Отметим, что, как правило, Романовым приводятся только одно грамматическое значение слова и его толкование. Часто наивные толкования значения слова и сама цель составления словарной статьи для устойчивого речевого выражения, отдельного словесного фольклорного образа и попытки исторического экскурса уведут составителя от собственно лингвистических задач своего труда. Словарь Романова превращается в многожанровое сооружение, эклектичное по своему замыслу. Словарный труд является своеобразным источниковедческим «сводом», лишенным серьезной научно-методологической базы.

Таким образом, словарь местного говора, составленный краеведом, становится важным инструментом в его фольклористических исследованиях и сложившимся жанром краеведческой литературы. Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но, несомненно, их объединяет одно — стремление показать свое отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов. И это массовое увлечение на местах — несомненный признак «саморефлексии» народной традиции.

Главная ценность «Фольклора Устья» — наиболее завершеного труда (из двадцати очерков отсутствуют лишь три) — заключается не только в попытке показать, как отразились в местном фольклоре история, верования, обычаи и быт края. В первую очередь, это собрание песен, народных рассказов и сказок, заго-

1986 г. № 52, 338 с. В состав рукописи входят также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей» (л. 339—347); 2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма, 1950. 66 с.) (далее — *Романов. Словарь*).

воров, причитаний, которые он записывал в течение почти двух десятилетий. Уникальность собранных материалов заключается в том, что они характеризуют фольклорную традицию Устья в период, когда с первой поездки в 1902 г. Е. Э. Линевой и до 1978 г. здесь не велось серьезной систематической работы по сбору фольклорно-этнографического материала.

В своих исследованиях Романов использовал так называемый «краеведческий» метод анализа и систематизации огромного и разнородного материала, отличие которого он видел в том, что «ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача — дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...».¹⁷ Романов оказался в условиях и обстоятельствах естественного применения на практике сложнейшего полевого метода «вживания» в традицию. Он с рождения находился в атмосфере народной жизни и проявлял к ней глубокий интерес. М. И. Романов вспоминал: «В детстве я купался в целом океане фольклора». Большим знатоком местной традиции были его «могучая и суровая» бабушка, происходившая из старообрядческой семьи, а также ее приятельницы, односельчане.¹⁸ В доме Романовых, как и в других крестьянских семьях, случались «помочи». Маленький Михаил с братом и сестрой выходили на угор, сидели там и ждали толпы «помочан» с пением. «Как волны прибоя, нахлынули первые звуки знакомой мелодии. Вскоре показалась темная масса толпы. Но не слышен ни говор, ни смех, ни визг девиц. Льетесь и все побеждает широкая, торжественная мелодия песни, колыхающая звуки на своих упоительных волнах. Хочется и плакать, и сделать что-то особенное, хорошее, героическое. Появляется тоска по какой-то потерянной далекой родине, по раздольной степи над ширью Дуная, по берегу которого ходит беглянка-полонянка, бежавшая с чужбины и стремящаяся на родину, на Русь, она умоляет „молдцев-перевозщиков“ перевести ее за Дунай, отдает им за это и деньги, и наряды, и украшения, а в конце-концов и самое себя. Тоска этой полонянки так живо передается мелодией песни, что из глаз невольно показываются слезы, а сердце разрывается от жалости».¹⁹

Поэтому нет необходимости провозглашенный Романовым «краеведный» метод исследования местной культуры обозначать как особую научную методологию. Глубокое знание местной жизни, любознательность, широкий кругозор для сопоставлений культурных явлений, знание иностранных языков, личный

¹⁷ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 5.

¹⁸ Романов М. И. Устья. Тула, 1985. С. 364.

¹⁹ Там же. С. 377—378.

жизненный опыт, начитанность, знакомство с авторитетными учеными — вот составляющие этого метода.

В своем труде краевед предпринимает попытку выявить взаимосвязь между, казалось бы, несопоставимыми явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. В конечном счете, он решает задачи исторической реконструкции народной культуры Устьянского края.

Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса фольклора, неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и так называемой «расовой теории», у него встречаются откровенно наивные реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным выводам и рассуждениям.²⁰ Ярким примером применения этого метода является в книге «Фольклор Усти» очерк 4 «Плач рабыни», или следующие его высказывания: «Словотворчество было в первобытные времена не обыденным и не легким делом. Каждое слово изобреталось с не меньшим трудом, чем более поздние достижения материальной культуры, — орудия, оружие, металлы, машины. Каждое новое слово, как великое изобретение, начинало совершать во вселенной, — населенной людьми, владеющими только ручной речью, — тот же путь, какой совершали и достижения материальной культуры: огонь, каменные орудия, горшечное искусство и т. д. Вместе со словами бродили по всему миру и заключенные в них магические настроения и понятия, выродившиеся впоследствии в мифы»; «Творцом отдельного нового слова могла быть каждый раз новая человеческая группа, но не племенная. Племена не было, потому что не было еще отдельных звуковых языков. По всему миру обитала одна человеческая „раса“, объяснявшаяся всем понятной речью жестов и мимики. В эту «речь» только постепенно, поодиночке, внедрялись „жуткие“, священные и не всем доступные магические слова звуковой речи. Следовательно, не может быть речи о заимствовании фольклорных тем от каких-то „избранных“ рас, не может быть речи и о существовании

²⁰ Н. Я. Марр применил к языкознанию учение исторического материализма. По его мнению, язык — такая же надстроечная общественная ценность, как искусство; язык является приводным ремнем в области надстроечной категории общества. Язык возник у всех народов независимо друг от друга, но поскольку культура едина и в своем развитии проходит одни и те же этапы, то все процессы в ней проходят аналогично. Язык, по Марру, образовался из первичных «фонетических выкриков». Первичная речь, как реконструировал ее Марр, состояла всего из четырех лексических элементов — САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. И все слова всех языков мира Марр был склонен сводить к этим четырем элементам.

самих рас в те эпохи, когда разговорная речь формировалась и закладывались основные споры фольклорных тем. Раса — явление очень позднего времени».²¹

Рассуждение, весьма характерное для теоретических положений Н. Я. Марра, который отвергал генетическое родство языков и даже такие очевидные вещи, как заимствования слов, он объяснял единством глоттогонического (языкотворческого) процесса.

Вместе с тем Романов в своих теоретических посылках не всегда строго следует Марру: «Не отрицая полезности и необходимости работы по сравнению фольклорных тем, бытующих у всех народов земли, необходимо признать, однако, что компаративистика привела, с одной стороны, к сухому и мертвому формализму, с другой — к фашизму, признающему творцом фольклорных тем „избранные расы“ и „благородные классы“. Не удовлетворяет и научно отвергнутая мифологическая школа, выводящая фольклор из „творческого духа народа“, именно, своего народа, считающая его осколками былой мифологии, именно, мифологии своего народа. Фактов заимствования нельзя отрицать, но нельзя и подчинять им всю область фольклора. <...> Это объясняется не заимствованием, а одинаковой стадией культурного развития. Так что корни однородных сказочных тем могут залегать именно в древней культовой подпочве. Подпочва же эта создавалась не одной „избранной расой“ и не одним „благородным классом“, до днесь существующим, а длинным рядом сменившихся, прогрессирующих и смешивавшихся между собой „рас“, и даже не рас, а стадийных состояний человечества. Когда закладывалась эта общая сокровищница, рас еще не было, не было еще „ни эллина, ни иудея“, ни германца, ни славянина».²² Хотя и в вульгарной форме, Романов разделяет как будто положения историко-типологической теории.

Следует признать, что с методологической точки зрения исследование Романова не выдерживает серьезной критики. Поэтому встречаются в тексте исследования действительно парадоксальные и курьезные выводы.

Приведем пример такой интерпретации текста детской заклички: «Судя по одной детской песенке-заклинанию, радуге придавалось, однако, большое значение: „Радуга-дуга, / Не давай дождя, / Давай солнышка / Из-под бревнышка“». Радуга представляется тут распорядительницей над дождем и солнцем, может дать по произволу или то, или иное. Непонятным представляется, в ее прямом смысле, последняя строчка. Возможно, что последнее слово нужно производить не от „бревно“, а от „бровь“. Солнце

²¹ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 58.

²² Там же, л. 290.

представляется как бы глазом неба, который в ненастную погоду закрывается насупленной бровью, а в ясную выглядывает из-под нее. Такое представление о солнце вытекает из самой палеонтологии этого слова».²³

Подобные интерпретации с позиций устаревших и вульгарно (наивно) понятых теорий и некритическое использование чужих методологий, к сожалению, обесценивают в целом труд Романова. Кроме того, слишком явное понимание фольклорных памятников как исторической основы жизни общества приводят к недопустимым с современных научных позиций выводам: «Безусловно, принятый мною подход к фольклору возбудит обвинение в возврате к мифологической школе. Но ошибка этой школы таилась не в ее „мифологичности“, а в том, что она вывела мифологию из недр своего народа, своей „нации“. Между тем как мифология, так и язык — общечеловеческое достояние. Без палеонтологического анализа, принесенного Н. Я. Марром, этого, конечно, нельзя было ни понять, ни, тем более, доказать».²⁴

Подобная «смешанность» методологических позиций и теоретическая наивность автора проявляется практически в каждой его попытке трактовать тот или иной фольклорный текст, этнографический факт: «Эта пестрота концепций не противоречие, а различные стадии развития культа от анимистической стадии, через тотемизм, к политеистическому божеству. Культовые воззрения никогда не стояли на одном месте. Они все время развивались, совершая головокружительные, непонятные для нас, прыжки от одной стадии к другой; в данном случае, от дуги к мамонту и, затем, к богине девице. Материалом для выявления всех этих концепций мы брали, главным образом, детский фольклор. Детские песенки-заклинания являются переживаниями более древних заклинаний, практиковавшихся раньше взрослыми при исполнении культовых обрядов».²⁵ Столь же необоснованным и нелепым является утверждение: «От этих же детских песенок ведут свое происхождение частушки».²⁶

О концептуальной несостоятельности труда «Фольклор Устья. Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни» в полной мере свидетельствуют названия очерков, составляющих ее содержание: **Очерк первый.** Лики древних богов (1. Боги стихий. 2. Бытовые боги. 3. Духи болезней и борьба с ними. 4. Заговорные слова, употребляемые для лечения и предупреждения болезней. 5. Духи вод и лесов. 6. «Бывальщины» о леших, колдунах и проч. 7. Миф о страдающем и воскресающем божестве).

²³ Там же, л. 129.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 20.

²⁶ Там же.

Очерк второй. Канонизированный фольклор. Областные культы Севера и древние торговые пути (1. Канонизация фольклора. 2. Областные культы времени феодализма. 3. Первичные культы. 4. Киево-новгородский культ Перуна. 5. Ростовский Велес и боги Тмутаракани. 6. Культ Георгия на Ваге и Двине. 7. Охотничьи и пастушьи заговорные слова. 8. Единство происхождения культов Устюга, Усьи и Вятки. 9. Скандинавское происхождение культа Прокопия). **Очерк третий.** Отражения христианства в фольклоре (1. Духовный фольклор. 2. Составные элементы в воззрениях на загробную жизнь. 3. Причитания над покойниками. 4. Сказание об антихристе и кончине мира. 5. Фольклорные отражения истории церкви на Севере. 6. Фольклор, отражающий упадок и отмирание религии). **Очерк четвертый.** Плач рабыни (1. Варяги на Руси. 2. Работорговля). **Очерк пятый.** Свадебный обряд (1. Сватанье. 2. Уговорка и девичник. 3. Утренние и вечерние причитания невесты. 4. Песни о женской доле. 5. Причитания невесты по различным частным случаям. 6. Последняя баня невесты. 7. «Поезд». 8. «Вышибание» невесты. 9. «Вывод» невесты. 10. Передача красоты и обряд с сеном. 11. Последний девичник. 12. Прощание невесты. 13. Свадьба в доме жениха и «хлебины». 14. Заключение). **Очерк шестой.** Ребенок северной деревни в фольклоре и быте. (1. «Поносы» и «приносы». 2. Первая баня ребенка. 3. Крестины. 4. Заговоры и меры против ревливости и болезней ребенка. 5. Колыбельная песня. 6. Ребенок младшего возраста. 7. Ребенок старшего возраста). **Очерк седьмой.** Коновальский обряд (1. Коновальский обряд. 2. Некоторые заговорные слова, употреблявшиеся коновалами). **Очерк восьмой.** Исторический фольклор (1. Древние и неопределенные времена. 2. Былина об устьянском воеводе Бедяеве. 3. Исторические времена и лица). **Очерк девятый.** Лирика. (1. Любовь мужская. 2. Любовь женская. 3. Разлука. 4. Измена. 5. Брак. 6. Песни на другие лирические темы). **Очерк десятый.** Песни хороводные, плясовые, шуточные (1. Хороводные песни. 2. Плясовые песни. 3. Шуточные песни). **Очерк одиннадцатый.** Частушки (1. Семья, колхоз. 2. Товарищеская среда, комсомол. 3. Наряды, подарки. 4. Вечеровки, игрища. 5. Первая любовь. 6. Любовь легкомысленная и любовь серьезная. 7. Любовь покорная и любовь гордая. 8. Брак. 9. Любовь и брак в колхозной деревне. 10. Старая рекрутчина и Красная Армия. 11. Отходничество, лесозаготовки, пятилетка. 12. Школа, учитель, образование). **Очерк двенадцатый.** Сказки.

Выявление источниковой базы «Фольклора Устья» Романова, использование ее в изучении и исторической реконструкции фольклорной традиции Устья является одной из сложных и важных проблем предпринятого исследования.

Записи устьянского фольклора, отразившиеся в его книге, фиксировались примерно в период с 1924 по 1934 г. в населен-

ных пунктах Дмитриевского сельского совета от исполнителей разных возрастов. Паспортизация записей Романова является неполной: нет точной даты записи, возраст исполнителя указывается неточно. Характерны такие отсылки и замечания собирателя относительно своих информантов: «со слов старухи Офимьи Рогачевой из дер. Кырканды; Парасковья Буторина, старуха-знахарка дер. Алферовской, неграмотная; Вас. Ан. Паршин, дер. Березник».

Иногда им дается более полная характеристика, например, молодой исполнительницы Соболевой: «молодая, полная красивая девица с Мехреньгских починков, голос у нее был бархатный, густой». Обычно на «помочах» в доме М. И. Романова именно Соболева запевала песню «Ой, да собирался-то добрый молодец» — прокатывалось волной.²⁷

В Приложениях 1, 2 «Фольклора Устья» приводится Указатель исполнителей с указанием на репертуар (отсутствует в наст. публ.).

Следует отметить, что у Романова были свои корреспонденты — его ученики, которые по его заданию вели опрос исполнителей.

Особый интерес в книге Романова вызывают приводимые им фольклорные тексты и этнографические сведения по народной культуре Устья, записанные им со слов односельчан. В публикуемом ниже этнографическом очерке автор уделяет большое внимание жанру свадебных причитаний, он считает: «Другим складом древностей являются причитания невесты. В верховьях Устья они сохранились с особенной полнотой и целостностью. В них звучат отголоски эпохи работорговли, плачи и вопли проданных в рабство „девок славянских“. Сложились они, конечно, не на Устье, а занесены были сюда волной ростовской колонизации. Ростовские земли лежали на старейших путях работорговли. Волхово-Днепровский путь начал функционировать позднее, когда Волгу и Дон заперли кочевые орды печенегов, а потом половцев. Очень много древних пережитков связано с рождением и воспитанием детей, а также с некоторыми сторонами сельского хозяйства и скотоводства. Все эти пережитки описываются и анализируются в первой части настоящей книги».²⁸

При публикации текста очерка «Свадебный обряд» были использованы исторические комментарии Романова, которые были им специально изложены в очерке 4 «Плач рабыни». В них последовательно проводится автором идея, что в текстах причитаний и некоторых песенных сюжетах отражены переживания женщины древней эпохи «работорговли» на Руси:

²⁷ Романов М. И. Устья. С. 378.

²⁸ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 12—14.

Эти славянские работорговцы, превратившиеся затем в феодальных господ, выделились из главенствующей верхушки родовой общины, из ее «отцов». Живой товар они черпали отчасти из своих общин, отчасти путем нападений и захватов в плен членов других общин. Эти-то «отцы», продающие «детей», при сближении этих терминов с терминами современной семьи, дали далеко не точное представление об обычае продажи родителями своих детей. Слово «отец» или «батюшка» нужно понимать не в семейном, а в социальном смысле, в том самом, в каком «батюшкой» назывался царь, священник или помещик. Но и узкую семью нужно понимать не в нашем смысле. В ней отец был, главным образом, властелин, далеко не всегда наделенный — привычными для нас, но не для того времени, — родительскими чувствами. Поэтому нельзя отрицать и продажи детей собственными родителями. Во всяком случае, в истории церкви говорится о ее борьбе с обычаем продажи детей родителями.

Следы продажи девиц их родителями, хотя и в значительно измененном виде, встречались до конца XVIII в. В 80-х гг. XVIII ст. сольвычегодский мещанин Соскин пишет об одной своеобразной категории товара, привозимого в Сольвычегорск на Прокопьевскую ярмангу. «При всем том, — пишет он, — объясняю бываемую на прокопьевской ярманге редкость следующую. Приезжают в то время крестьянские дочери, девки для избрания себе женихов и выходят в замуж, который обряд состоит в такой церемонии: как те невесты приплывают по Вычегде в лодках и квартируют боле под городом на берегу с родителями при тех лодках, у продажи своих продуктов. Хотящие их видеть женихи приходят к тем невестам и смотрят их».²⁹

Эта «бываемая редкость» не что иное, как пережиток древних варяго-славянских торгов, где рядом с пушниной, медом, воском, хлебом и лошадьми продавались и «девки», а также и мужская «челядь». Продавцами на этих торгах часто были родители или родовладыки. Пережитки таких воззрений на родительскую власть существовали и в XIX в. Очень распространено было мнение, что за убийство или изувечение родного сына или дочери «и царь не властен» наказывать, а может быть наложено только церковное покаяние.³⁰ Даже Соскину бросилась в глаза генетическая связь между работорговлей и обычаем выставлять невест на показ на ярмарке. «Сей обычай, — пишет он, — можно сравнить с базаром константинопольским, на котором для продажи и бракосочетания жен и девиц, невольниц находится много».³¹

Подобные комментарии автора даны в публикуемом ниже очерке в виде сносок. Кроме того, в Приложениях 1—2 даны тек-

²⁹ [Соскин А.] История города Соли Вычегодской древнейших и нынешних времен : сочинение А. Соскина // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 14. С. 354—355.

³⁰ О том же говорит М. Н. Покровский: *Покровский М. Н.* Русская история: В 3 т. М., 1922. Т. 1. С. 2.

³¹ [Соскин А.] История города Соли... С. 355.

РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 217.

сты свадебного фольклора и наблюдения автора за состоянием брачных отношений местных жителей 20—30-х гг. XX в., которые расположены в других частях книги «Фольклор Устья».

Публикуемый текст, кроме комментариев М. И. Романова и комментариев автора публикации, снабжен замечаниями В. И. Щипина.³²

О чер к п я т ы й

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Бытовую обрядность вообще и свадебную в частности не следует смешивать с церковной обрядностью. Та и другая обрядности часто переплетались между собой, иногда сливались, но в большинстве случаев довольно резко отграничивались одна от другой, а иногда вставали одна к другой во враждебные отношения. Это вполне понятно. Церковная обрядность — это обрядность, насильно водворенная господствующим классом. Бытовая же обрядность — обрядность самобытная, народная. Термин «народная», правда, не отличается определенностью, и сама эта «народная обрядность» далеко не единого происхождения. Но тем не менее население северной деревни считало ее своей и определенно отличало от церковной, «казенной», т. е. государственной.

Церковная обрядность скользила по поверхности деревенской жизни, бытовая же обрядность пропитывала все ее поры. Если это не так было заметно в местах, открытых для веяния цивилизации, то в захолустьях, подобных Устьянским волостям, беспредельное господство бытовой обрядности бросалось в глаза на каждом шагу. Бросалось в глаза, что корни этой обрядности покоятся где-то далеко по ту сторону христианства, в эпохах, живших анимистическими и тотемическими верованиями, во времена древних языческих богов и почитания душ умерших предков. Тут и там встречаются в этой обрядности осколки и целые руины древних исторических переживаний. Звучат слезы и вопли жертв древних форм эксплуатации человека человеком, звучат идеи и устремления древней души, ищущей выхода к лучшему // л. 254
будущему, звучат иной раз старые исторические и географические имена, упоминаются древние формы труда, быта и вооружения.

Особенно много всего этого в свадебной обрядности, и особенно в свадебной обрядности верхних сельсоветов реки Устья. Захолустность местности способствовала их сохранению. Нигде,

³² Щипин Владимир Игоревич (1951 г. р.) — автор работ по истории Русского Севера. Автор наст. публ. использует комментарии В. И. Щипина и приносит ему искреннюю благодарность.

даже и по среднему течению реки Устья, — не сохранились свадебные обряды с такой полнотой и в такой древней неприкосновенности. Мне удалось их записать уже в тот момент, когда практически они уже отошли в область минувшего, но помнившее их поколение еще не сошло в могилу. Теперь большинство тех, кто дал мне эти сведения, померли, и возможно, что теперь уже не удалось бы восстановить их с такой полнотой.

1. Сватанье

До выхода замуж¹ девушка устьянской деревни пользовалась большой свободой. Нельзя этого же сказать о соседней двинской деревне. Правда, большим позором считалось родить до венца, но не меньшим позором было и не иметь «дружка». Отношения с «дружком» зачастую не были платоническими, но это обстоятельство в укор девице не ставилось, не было бы только «околотка», то есть ребенка от связи с «дружком». Безусловно, такие отношения часто вели именно к «околотку», а этим самым и к браку по любви, так как единственным способом «прикрыть грех» был выход за того, кто был повинен в нем. Следствием очень свободного отношения к вопросу о девственности [являлось, например, то, что] в устьянском сва//дебном обряде отсутствовали показ нижней рубашки после первой ночи и чествование девственности невесты.

Браки по любви были нередки и независимо от беременности невесты. Вообще, воля жениха и невесты играла большую роль, если она не противоречила понятиям о «ровне» и «неровне». Эти понятия играли громадную роль в вопросе о браке. Здесь особенно ярко выступало классовое расслоение² старой деревни. Деревенский богатей редко допускал женитьбу своего сына «в худом роду» или выход своей дочери «в худой род». Материальные расчеты при этом иногда не играли никакой роли, так как «давать приданое» с невестой на Устье не было принято.

— Низковато, даре, породой-то, — говорил такой «высокородный» мужик своему сыну.

— Подумай сам, с кем в родню-ту войдешь: Макарко да Васька Сраленок, вековичные казаки (батраки). Кто к тебе на свадьбу-то приедет? К кому пировать-то поедешь?³

И эти доводы казались чрезвычайно убедительными. Вся «порода» жениха могла оскорбиться и не явиться на свадьбу.

Вообще, идеи о высоте породы, идеи древнего местничества крепко бытовали в северной деревне. Они играли большую роль не только в браке, а и во всем укладе жизни. На пиру старались

¹ У Романова — «взамуж». — *А. В.*

² У Романова — «выступала классовая расслоенность». — *А. В.*

³ Нет ссылки на информанта. — *А. В.*

рассаживаться «по породе», и посаженные, по их мнению, «низко», нередко оскорблялись и уходили с пиру или вступали в драку с оскорбителями.

Соображения о породе нередко становились поперек воле жениха и невесты и отдавали решение дела в руки старших. До сватанья дело доходило только после некоторых предварительных переговоров между родственниками жениха и невесты. Еще до // сватанья невеста начинала готовить «дары»: рубашки, полотенца л. 256 и т. д. Накануне или в день сватания невеста мылась в бане, с одной или двумя подругами. Часто вместо подруг приглашалась знахарка, творившая над невестой в бане «нарядные» заклинания. Заклинания имели целью привлечь к невесте внимание и любовь не только жениха, но и сватовщиков.⁴

Несколько вариантов «нарядных слов» приведено было в предыдущем очерке.⁵ Здесь приведу еще один вариант, приспособленный специально для банных заклинаний над невестой.

Пойду я, раба божья [имярек] благословясь,
Приду, перекрестясь,
В теплую банюшку, на теплый полоч.
Буду я рабу божью Анну
Мыть и обмывать,
Ключевой водой обливать.
Мою, смываю
Худерьбу⁶ и похулу.
Мою, намываю
Красоту и похвальбу.
Пусть она краше,
Пусть она баше,
Краше и румянее
Схожего солнца.
Глянулась бы всем
И казалась бы всем
Плечами плечиста,
Лицом личиста,
Речами речиста,
Походочкой всех басся.⁷
Казалась бы и глянулась бы,⁸ //
Как лазуревый цветочик,

л. 257

⁴ *Сватовщик* — тот, кто сватает невесту для жениха. — *Романов. Словарь*.

⁵ См. Приложение 1. — *А. В.*

⁶ Местное — от слова «худоба». — *А. В.*

⁷ *Басся* — красивее, от баско — красиво. — Комментарий М. И. Романова. *Баской* — красивый; *бассяе*, *башчэ* — красиво. — *Романов. Словарь*.

⁸ *Глянуться* — нравиться.

Как жемчужный камешочек,
Как виноградная ягодка.
Чтобы старые и малые
Зрели и смотрели,
Глаз не сводили.
Чтобы суженый-ряженный
Зрел и смотрел,
Глаз не сводил,
От нее не отходил.
Все бы люди
Пришли-смотрели,
Отошли — хвалили.
И ныне и присно
И во веки веков. Аминь.⁹

Если невеста особенно хотела привлечь сердце жениха, то пускалось в ход «присушное слово», имевшее более определенную установку, направленную на определенную личность. Присушных слов ходит много вариантов. Привожу из них один из наиболее содержательных:

Катится черная грозная туча
Со зрелым каленым камнем,
Зрело калено камень,
Вались не на воду, не на землю,
Вались на ретивое сердце
Раба божья Федора,
Чтобы раб божий Федор
Без рабы божьей Анны
Не мог часу часовать
Минуты миновать.
Как маленький ребенок
От матери из утробы родится,
На белый свет глядит да узрит, //
Так бы раб божий Федор
Зрил да узрил
На рабу божью Анну.
Как дровца в печке
Изгорают на уголье,
Так бы у раба божья Федора
Сердце изгорало
По рабе божьей Анне.
Как в жилой избе
Магица сохнет да вянет
От дыму да от жару,¹⁰

л. 258

⁹ Записано в д. Мехреньга.

¹⁰ Предполагается дымное, курное отопление.

Так бы у раба божья Федора
Сердце сохло да вяло
По рабе божьей Анне.
Как рыба на берегу
Не может дня днeвать,
Ни часу часовать,
Ни минуты миновать,
Так бы и раб божий Федор
Без рабы божьей Анны
Не мог ни дня днeвать,
Ни часу часовать,
Ни минуты миновать.
Будьте мои слова
Крепки и лепки,
Крепче булатного ножа,
Вострее щучьего зуба.¹¹

Время сватанья и свадьбы считалось особенно опасным. В это время девушка всего легче поддавалась «порче», «урокам», «сглазу» и т. д. Всякое неосторожное слово, особенно выражение восторга перед ее красотой или телесной добротностью может ее // «изурочить».¹² Завистливый взгляд может «сглазить».¹³ л. 259 Оханьем и аханьем можно ее «озевать».¹⁴ Бороться против всего этого можно было только особыми оградительными словами, которые особенно хорошо «льнули» в бане.¹⁵ Собственно говоря, основная цель всех свадебных бань не санитарная, а магическая, оградительная. Оградительные слова назывались «обережь»,¹⁶ или «урочное слово». Приведу один вариант «обережи».

Под восточной стороной
Есть сине море океан.
В том море-океане
Есть остров Буян.
На том острове на Буяне
Стоит свят божий храм.
В том святом божьем храме

¹¹ Кошелев Павел Трефилов, коновал, д. Армино, умер между 1928 и 1936 гг. Отчество и примерное время смерти установлены по: *Романов Мих.* Из фольклорных записей : Коновальский обряд // Север : Альманах. Архангельск, 1936. № 1. С. 119. — В. Ш.

¹² *Изурочить* — испортить завистливым взглядом или сомнением, завистливой мыслью и т. д.; см. *обуроцишь* (коми — урсавны). — *Романов. Словарь*.

¹³ *Сглизить* — испортить завистливым взглядом. — *Романов. Словарь*.

¹⁴ *Озевать* — причинить вред взглядом. — *Романов. Словарь*.

¹⁵ *Поверья*, нет ссылок на источники. — А. В.

¹⁶ *Обережь 1* — заговорное слово от сглазу. — *Романов. Словарь*.

Есть стол-престол.
 На том столе-престоле
 Сидит ангел господен.
 Тот ангел господен
 Держит жимолостный лук
 Да калену стрелу.
 Я, раба божья Офимья,
 Помолось поклонюсь
 Тому ангелу господню.
 Отбивай, отстреливай
 От рабы божьи Анны
 Уроки и призеры,
 Прикосы, приговоры
 От чернеца, от черницы,
 От колдуна, от колдуницы,
 От двоежена, от троюжена,
 От двоезуба, от троюзуба,
 От девки простоволоски,
 От женки красноголовки. //
 Злому, лихому,
 Урочливому, завидливому
 Соли в глаз, смолы на язык
 Дресвяный камень в зубы,
 Громова стрела в щеки...¹⁷

Сваты приезжали вечером. С женихом приезжали кто-либо из его семьи и из наиболее почетных родственников, последний как представитель всего женихова рода. Явившись в дом невесты, сваты молились перед иконами и вступали в переговоры о приемлемости или неприемлемости сватания. Если сватание принималось, сваты ставили на стол четверть или две водки (3—6 литров) и усаживались на лавки.

На сватанье сзывались родителями невесты их влиятельнейшие родичи. Выдать или нет невесту, могли давать совет и они. В этом сквозит, опять-таки, далекий отзвук родового права. Невеста же приглашала на сватанье своих подруг. Впрочем, они сами прибегали и без особых приглашений.

Прежде чем пить водку, уславливалось количество «даров» с невесты и количество водки с жениха во время свадьбы. Вопрос о приданом редко поднимался, только в тех случаях, когда невеста страдала какими-либо физическими недостатками или была беременна не от жениха. Зато очень жаркому обсуждению подвергались «дары» — рубашки, полотенца, «становины», — которые она должна раздарить родственникам жениха во время свадьбы.

¹⁷ Рогачева Евфимия Дмитриевна, д. Кырканда. Или Рогачева Евфимия Яковлевна, зап<исано в> д. Кырканда, 1926 г., умерла в 1932 г.

После этого уже начиналось «пропиванье» невесты и девушку начинали называть невестой. Тут только выступала она сама, но не с тем или иным решением вопроса, а с обрядовым причитанием. //

Выступая перед столом, где ее «пропивали», она закрывала л. 261 голову платком и начинала «ухать». Протяжно выкрикивая слова причетов, она время от времени «ухала» во весь голос и, заломив руки, с размаху падала на пол. Чтобы предупредить значительные ушибы, на пол перед ней настилали соломы. Вся картина «уханья» носила печать страшного горя и отчаяния. Женская половина присутствующих часто плакала и вторила ее воплям. Невеста пела, обращаясь к отцу:

«Ты, схожее солнышко,
Мой родимый батюшко,
Ты не пей, мой батюшко,
Того пива пьяного,
Да вина зеленого.
То не пиво пьяное,
Не вино зеленое,
А разлука вечная
Со мной, сердечным дитяtkом.
Меня разлучит, девицу,
С татенькой да с мамонькой,
Да с родными братьями,
С милыми сестрицами.
Еще разлучит девицу
Со родной сторонущкой».

После небольшой паузы поет как бы про себя:

«Сидит мой батюшко,
Сидит призадумался,
Сам-о[т] призаплакался».

Обращается к матери:

«Ты не пей-ко, матушка,
Того пива пьяного,
Да вина зеленого...» и т. д.

Обращается к дяде:

«Мне бедно да забедно,
Бедно показалось //
На тебя, на дядюшку.
Чем тебе наскучила,
Чем я напрокучила:
По часту гостила ли,
Опила, объела ли?

л. 262

Что же избываешь ты,
Отдаешь младешеньку
На чужую сторону?
Жалко мне расстатися,
Жалко разостатися
Со родней великою».

Обращается ко всем родным:

«Чем я вам наскучила,
Чем я напрокучила?
Была я ленива ли,
Тихо ли ходила ли,
Али худо робила,
Вам добра не спорила?
Али я гостилася,
Напроход басилася,¹⁸
Мылась-промывалася,
Робить не старалася?
Что вы меня гоните
Со села, со города,
Как лихого ворога?»

Идет к девицам, собравшимся за перегородкой или в другой избе. Причитает перед девицами:

«Любушки-голубушки,
Вы подружки милые,
Жалко мне расстатися,
Жалко разостатися
С милыми подружками.
Вам дивья,¹⁹ голубушки. //
Ведь у вас, голубушки,
Татеньки просужие,²⁰
Мамки жалостливые,
Само упросливые.²¹
У меня, у девицы
Скородумны батюшко,
Скородумка матушка,
Скоро думку сдумали,
Пропили младешеньку
На чужую сторону».²²

л. 263

¹⁸ *Напроход басилася* — постоянно наряжалась.

¹⁹ *Дивья* — хорошо, славно.

²⁰ *Просужий* — рассудительный, умный.

²¹ *Упросливый* — такой, которого можно упросить, покладистый.

²² Предыдущие причитания представляют из себя сводку причетов, записанных со слов Офимьи Рогачевой (д. Кырканда) и Устина Мих<айло-вича> Попова (д. Лушово). Запис<ано в> 1927—<19>28 гг.

Во время «пропивания» невесты вина приносят и девицам.

Жених, «отведя рядовую» за столом, то есть выпив одну или две чарки, может уйти из-за стола. Он, большей частью, идет к девицам и здесь сидит с невестой, уговариваясь с ней относительно будущей совместной жизни.

После сватания, для прочности дела, жених нередко брал с родителей невесты «заклад»²³ в виде каких-либо ценных вещей из туалета невесты. Если свадьба расстраивалась вопреки желанию жениховой родни, заклад не возвращался.

II. Уговорка и девичник

После сватанья свадьба еще не считалась бесповоротно решенной. Наоборот, с этого-то времени обе стороны и начинали старательно взвешивать все «за и против», начинали собирать сведения друг о друге. Родственники невесты ездили «смотреть живота» в доме жениха. Кроме того, теперь-то невеста и привлекала особенное внимание других женихов. Теперь выступала ее настоя//щая цена во мнении мужской молодежи. Если невеста обладала какими-либо большими положительными качествами, ее начинали «пересватывать». Для ее родителей начиналась трудная задача, отвергнуть ли нового жениха или принять его «пересватыванье», отвергнув первого. Если принимать «пересватыванье», нужно было платить за вино, выпитое с первым женихом. л. 264

Когда все взвешено и решено, мать или отец жениха ехали в дом невесты на «уговорку». Жених мог и не быть на «уговорке». Самая «уговорка» могла быть простым посещением без угощения, но могла вылиться и в новую пирушку. Угощающей стороной опять была сторона жениха, а не невесты. Они привозили с собой вино и гостинцы. На «уговорке» определяли окончательно вопрос о «дарах» и количестве вина с жениха. Мать или родственница жениха просматривала содержимое невестина сундука и всю ее одежду. Если считала, что одежды недостаточно, начинали торговаться о том, что должны были справиться невесте ее родители до или после свадьбы.

Тут же начиналось выкраивание «даров» из невестиных запасов. Невеста причитала при этом:

«Ты, бела лебедушка,
Родимая мамушка,
Не пускай-ко, мамушка,
Нелюбую гостьюшку
До дубова ящика.
Как у этой гостьюшки

²³ *Заклад 2* — какая-либо ценность в обеспечение полученного кредита. — *Романов. Словарь.*

Руки шибко длинные,
 Да глаза бесстыжие,
 Рожа нестыдливая.
 Режет в лепенечики,
 В мелкие кусочки
 Полотно беленое, //
 Да скатерти бранные,
 Да узоры красные,
 Все запасы девичьи.
 Я ткала трудилась,
 Шила веселилась
 Для себя, для девицы,
 Да для тебя, для мамушки.
 А она, бесстыжая,
 Все узоры выбрала,
 На дары изладила.
 Мне, младой, оставила
 Лишь одну изгрибину
 Твердую, колючую». ²⁴

Окончательное изготовление «даров» происходит на девичнике.

Девичник нередко совпадает с «уговоркой»,²⁵ но часто устраивается и отдельно. Невеста приглашает подруг и они, под руководством матери невесты, изготавливают и раскладывают «дары». Девицам устраивается при этом небольшое угощение. Сама невеста участия в работе не принимает. Она ходит около подруг и причитает:

«Хожу я, девица,
 По светлой по светлице,
 По высокой горнице,
 У светлого солнышка,
 У родного батюшка,
 У белой лебедушки,
 У родимой матушки.
 Ох-ти мне да ох-ти мне,
 Ох-ти мне тошнехонько!
 У схожего солнышка,
 У родного батюшка
 Мало мне осталось //
 Неги-красованьица.
 Уж не два годочика,

²⁴ Предыдущие причитания представляют из себя сводку причетов, записанных со слов Офимьи Рогачевой (д. Кырканда) и Устина Мих<айловича> Попова (д. Лушово). Зап<исано в> 1927—<19>28 гг.

²⁵ *Уговóрка* — соглашение. — *Романов. Словарь*.

А только два денечика,
А неделька маленька,
А деньки коротеньки.
Часики часуются,
Время коротается.
Ровно гуси-лебеди
В теплую сторонушку,
Улетает времячко.
Как вода из ключика,
Утекают-катятся
Скорые минуточки,
Утекают-катятся,
Назад не воротятся.
Похожу я, девица,
По светлой по светлице,
По высокой горнице,
Посмотрю на татеньку,
Посмотрю на мамоньку,
На сестер, на братиццев,
На дядьев, на тетушек,
На ближних соседушек,
На всех людей добрых.
Скоро нам расстаньце,
Скоро распрощаньце.
Скоро мне-ка с горюшком
Годики коротати
На чужой сторонушке
Без своей роденушки».

Обращается к подругам:

«Вы живите, любушки,
В девушках красуйтесь,
В бабью жизнь не суйтесь.
Бабья жизнь не красота, //
Сердечку только сухота.
Докатится времячко
До весны до красные,
До веселых радуниц.
Соберетесь, любушки,
На крутом угорышке
Над широкой реченькой,
Речкой половодною.
Запоете, девушки,
Свои девьи песенки,
Песенки веселые.
Вспомяните, любушки,
При своей беседушке
Про меня, про девицу.

л. 267

За весной за красною
Придет лето теплое.
Вы пойдете, любушки,
В мяндачи²⁶ садовые
По сока едреные.
Тут настанет жаркое
Время сенокосное,
Времячко веселое.
Придут летни празднички,
Ваши девьи игрищи,
Песенки игровые,
Ноченьки заревые.
Вспоминайте, любушки,
При своем весельице
Меня, красну девицу».

Просит девиц петь ей знакомые песни:

«Любушки, голубушки,
Вы подружки милые,
Уж вы спойте, любушки,
Мне-ка девью песенку». //

л. 268 Девицы поют, а невеста сидит, закрывшись платком, и плачет.
По окончании работы она благодарит подруг:

«Спасибо вам, любушки,
Любушки-голубушки.
Пособили, любушки,
Мне работу сробити,
Всю печаль опечаливать».

Садит подруг за стол, угощает обедом, поит пивом и вином.
После обеда прощается причитаниями. Для особо близких подруг сочиняются особые причеты, вроде:

«В забытях позабыла,
Во горе покинула
Меня подружка Аннушка.
Вспомни, вспомни, Аннушка,
Нашу дружбу верную,
Верную примерную.
Навеку мы с Аннушкой
Друг с другом не ссорились,

²⁶ *Мяндач* — молодой сосновый лес. *Мяндаць* — лес из молодой сосны. — *Романов. Словарь*.

Друг друга не гневали,
Словом не кручинили.
Часто-часто с Аннушкой
Мы ходили парочкой
Во леса зеленые,
В мяндачи садовые,
В рощицы кудрявые,
По сока едреные,
По губы, по ягоды.
Мы с подружкой Аннушкой
Одну думу думали,
Одно дело делали.
Видно, отходили мы,
Видно, отгуляли мы.
Навеку не впервые,
Нынечи впоследние. //

Ты прости-ко, любушка,
Ты прости, голубушка,
Ты прости-ко, Аннушка,
Милая подруженька».

л. 269

В заключение она просит подруг навещать ее по утрам и по вечерам, пока она еще дома:

«Не покиньте, любушки,
Меня, красну девицу,
При горе, при бедности,
При большом несчастьице.
Приходите, любушки,
Ко мне, красной девице,
По утру ранешенько,
Вечером позднешенько».

После «уговорки» до самой свадьбы невеста ежедневно причитает по утрам и вечерам. На эти причитания собираются подружки невесты, и их тягучие прощальные песни чередуются с причитаниями невесты.

После «уговорки» свадьба еще может расстроиться. О надежде на расстройство свадьбы говорится и в некоторых причетах этого периода, как, например:

«В забытье позабыла
Во горе покинула
Свою девью красоту.
Сидит воля-красота
Под кутным окошечком,
Сидит пригорюнилась,
Сама призаплакалась.

Ты срядись-ко, волюшка,
 Старой дальней тетушкой.
 Ты сходи-ко, волюшка,
 На чужую сторону
 Ко чужу-чуженину. //
 Посмотри-ко, волюшка,
 У чужа чуженина
 Каково живиньце,
 Много ли иминьца?
 Откажи-ко, волюшка,
 Чужому-чужанину
 На чужую сторону
 От меня от девицы.
 Вот, срядилась волюшка,
 Срядилась, приокуталась,
 И пошла-то волюшка
 В дальнюю дороженьку
 К чужому чуженину
 На чужую сторону».²⁷

III. Утренние и вечерние причитания невесты

После «уговорки» до свадьбы невеста причитает ежедневно два раза — на утренней и на вечерней заре. Утренние причеты начинались еще в постели. Проснувшись, невеста садилась на постели и плакала:

«Я спала да лежала,
 Темную ночь коротала,
 Пуховую постельку
 Камешком пролежала,
 Пуховую подушечку
 Во слезах потопила,
 Одеяло цветное
 В ноги запинала.
 Не могла дожидаться
 От белы лебедушки,
 От родимы матушки //
 Я побуду раннего.
 Приходила матушка,
 Правой ручкой будила,
 Левою приокутала:
 — По грехам што сдиется,
 По грехам доспиется.
 Да поспи-ко, дитятко,

²⁷ Причитания II главы представляют сводку из записей со слов: Устина Мих<айловича> Попова (д. Луцово), а также разных лиц из д. Мехреньга. Записано в 1928 г.

Поспи на здоровьице,
На запас да на время,
Себе на приданое.
Вот, как буду, девица,
На далекой стороне,
У чужа-чуженина
Не у родной матушки,
Не дадут понежиться,
Не дадут проспаться.
Люгая свекровушка
Ходит по-туринному,
Смотрит по-зверинному,
Да как бы пуще стукнути,
Да как бы пуще брякнути».

Вставая и одеваясь, продолжает:

«Не могла дожидаться
У схожего солнышка,
Родимого батюшка,
Слова которжливого,²⁸
Слова поспешливого,²⁹
Не могла дожидаться,
Не могла доглядитися.
Это что за честь пришла,
Что за негованьице?
Уж я знаю, девица,
Глупа сдогадалася:
Жалуют и милуют
Жалобой недоброю,
Чужой дальней стороной. //
Встану я с молитвою,
Я пойду с поклонами
По светлой по светлице,
По полу тесовому.
Уж я выйду, девица,
На мосты калиновы,
Со мостов калиновых
На частую лесенку,

л. 272

²⁸ *Которжливое* — ругательное от *котора* — ссора. *Которжліво слово* — укор, ругань.

«Как жила я, девица,
У родного батюшка,
Не слыхала, девица,
Слова которжливого». (Из причитания невесты). —

Романов. Словарь.

²⁹ *Поспешливое* — торопящее. — *А. В.*

По частой лесенке
На широку улицу». ³⁰

³⁰ *Вариант* (из главы 4 «Плач рабыни», л. 231—233):

Я спала да лежала,
Темную ночь коротала,
Пуховую постельку
Камешком пролежала,
Пуховую подушечку
Во слезах потопила,
Одеяльце цветное
В ноги занижала.
Не могла дожидатися
От белой лебедушки,
От родимой матушки
Я побуду раннего.
Приходила матушка,
Левой ручкой будила,
Правой приокутала:
— По грехам что сдеется,
По грехам доспеетса.
Не могла дожидатися
У схожего солнышка,
Родимого батюшка
Слова которжливого,
Слова поспешливого.
Не могла дожидатися,
Не могла доглядитиса.
Это что за честь пришла,
Что за негованьице? (Негованьице — то же, что и нега).
Уж я знаю, девица,
Глупа сдогадаласа:
Жалуют и милуют
Жальбой недоброю,
Чужой дальней стороной.

Ни в чем так ярко не выражены следы работоторговли, как в свадебных причитаниях устьянской невесты, вышедших уже из упо//требления, но еще сохранявшихся в памяти некоторых старух вплоть до начала 30-х годов настоящего века. Нигде они не сохранились так полно, как в верхнем течении реки Устья.

Неизбывная тоска, отчаянные рыдания проданных в рабство «девок славянских» явственно и живо звенят в этих причитаниях. Только имея в виду это их происхождение, можно понять, почему так много тоски, так много ужаса заключено в свадебных причитаниях. Самый ритуал причитаний полон дикого, безумного ужаса и трагизма. Невеста при каждой законченной мысли «ухает» и, заломивши руки над головой, со всего размаха падает на пол или на землю. Картина до того полна пережитками древнего ужаса перед рабской долей, что окружающие невесту женщины и девицы плачут и воют навзрыд.

Невеста умывается, молится перед иконами и идет на улицу.
На улице продолжает:

«На широкой улице
Заря разгорается,
Солнце поднимается.
Травушка зеленая
Под росой сгибается.
Поют птички пташечки,
Поют заливаются.
А у меня, красной девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается.
Ты прости-ко, улочка,
Чистая, широкая,

Перед глазами сами собой воскресают древние времена. Дремучие дебри. Бескрайние «поля» степей, перерезанные перелесками.

Укрепленные небольшие «городища», вместо обычных для нас деревень. Жители их отрезаны от остального мира и бездорожицей, и всеми опасностями диких дебрей и дикого «поля», где наибольшая опасность грозила не от хищных зверей, не от зыбучих болот, а от «чужого чуженина», чужеродного человека. Деревушки связаны были с остальным миром только через посредство бродячих дружин, — полукупцов, полуразбойников. Как ни опасно было иметь с ними дело, эти неустрашимые бродяги были необходимы. Они везли железо из Скандинавии, паволоки и узорочье из Византии, краски, вино и т. д. также имелись в составе их товаров. В обмен они брали меха, воск, коней и живой товар, главным образом девиц. //

Перед приездом этих купцов не одна девушка глухих славянских деревень ждала на свою голову самого великого несчастья, какое только могло случиться, — продажи в неволю.

По причитаниям можно довольно полно реставрировать всю картину продажи девицы в неволю. Представим себе глухую деревушку на берегу лесной речки, окруженную неширокими полями и безграничными лесами. Кругом она обнесена земляным валом и деревянным тыном. Сохранился еще родовой уклад, или по крайней мере его пережитки, выразившиеся в общности некоторых хозяйственных угодий и даже построек, а также в большой власти родовладыки, которого все называют «батюшке».

Перед приходом бродячих купцов («руси») старшины рода соображают, что можно променять им на необходимые для хозяйства вещи.

При недостатке мехов, воска, коней и других ходких товаров, остается один ресурс — продать несколько «девок». Это наиболее ходкий товар и всегда под руками. От намеченных жертв стараются скрыть роковое решение. Но отношение к ним невольно изменяется, их начинают лучше кормить, меньше заставляют работать. Не только жалость, но и коммерческий расчет играет при этом большую роль. Чем упитаннее и красивее будет товар, тем большую цену за него дадут.

По необычайной доброте родителей, или родовладык, жертва догадывается о ждущей ее участи. Она начинает тосковать. По ночам одолевают ее недобрые предчувствия.

Ты прости, селеньице,
Домики веселые,
Садики зеленые.
Вы простите, милые
Любушки-подруженьки,
Все соседи ближние,
Да все люди добрые.
Вы простите, пташечки,
Пташечки веселые.
Вы простите, цветики,
Цветики лазоревы. //
Ведь на той-там стороне
Солнышко горячее,
Морюшко зыбучее,
Люди не жалостливы,
Боги не милостливы.
Не поют там пташечки,
Не цветут там цветики,
Лишь крапива жгучая,
Да осоть колючая
У схожего солнышка,
Родимого батюшка,
Я спала да нежилась
До обеда позднего.
Я не знала, девица,
Во которой стороне
Белый свет светается,
Заря занимается,
Всходит красно солнышко,
А на той-там стороне,
У чужа-чуженина
У лихой свекровушки,
Надо встать ранехонько,
Работать скорехонько.
Лихая свекровушка
Ходит по-туриному,
Смотрит по-звериному,
Говорит загадками,
Злыми все наветками.
Тут узнаю, девица,
Во которой стороне
Белый свет светается,
Заря занимается».³¹

³¹ По записям со слов Офимьи Рогачевой (д. Кырканда), Устина Михайловича Попова (д. Луцово), Ильи Константиновича Буторина (д. Алферовская).

Наиболее разнообразны и богаты вариантами вечерние причитания. Как только начинало смеркаться, невеста накрывала лицо // платком и первым долгом обращалась к матери:

л. 274

«Сегодня у Господа
Вечер вечеряется,
Заря занимается.
А у меня, у девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается.
Жалкая, желанная,
Моя родная матушка.
Отпусти ты, матушка,
Меня, красну девицу,
На широку улицу,
Походить по улочке,
Попрощаться с местичком,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии».

Получив разрешение, она идет на улицу, где ее ожидают уже девицы. С ними вместе она ходит по деревне, кланяется и причитает:

«Сегодня у Господа
Вечер вечеряется,
Солнце закатается.
За закатным солнышком
Заря занимается,
У меня, у девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается.
Пойду-выйду, девица,
По полу пиленому
Под полать брусовую,
Во двери стеклянные,
На моста калиновы,
Со мостов калиновых
На частую лесенку,
Со частые лесенки
На раскатну улочку. //
Ступлю я легонько,
Поклонюсь низехонько
Во все четыре стороны,
Всему свету белому,
Да всем людям добрым.
Как на нашей стороне
Сколь баско да хорошо:
Рощицы зеленые,

л. 275

Мяндачи сосновые,
Поля наши низкие,
Они не каменистые.
Расут хлеба едреные,
Жита колосистые да
Овсы брунистые.
Вокруг наших полюшек
Огороды частые,
Перевицы красные,
Кольшки точеные,
Жерди золоченые.
Как на нашей стороне
Колокола бамкают,
А на той-там стороне,
Вишь, вороны каркают.
Там леса дремучие.
Болота зыбучие,
Реки порожистые,
Горы каменистые.
Там пески сыпучие,
Солнышко горючее,
Пожни пеньеватые,
Сена ломоватые.
Там поля гористые,
Сами каменистые,
Хлеба неедреные,
Луга незеленые,
Жита неколосистые,
Овсы небрунистые. //
Растет крапива жгучая,
Да осоть колючая,
Изожгет да исколет
Мои нежны рученьки».³²

л. 276

³² *Вариант* (из главы 4 «Плач рабыни», л. 234—240):

В тоске и ожидании рокового исхода изнывает она с этого времени.
Особенно усиливается ее тоска по вечерам. //

«Сегодня у господ, — плачет она, —
Вечер вечеряется,
Солнце закатается.
У меня, у девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается».

С тяжелой тоской ходит она по родной деревне, плачет и прощается со всеми ее уголками и закоулками, ставшими теперь бесконечно милыми, незабываемыми. Горько вспоминает минувшие дни:

«Как жила я девица,
Жила красовалася

Просит девиц:

«Пожалейте, девушки,
Меня, красну девицу,
Приутеште, любушки,
Тоску мою лютую,
Да печаль великую
Своей девьей песенкой,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии».

У схожего солнышка,
Родимого батюшка».

Она знает, что в неволе предстоит ей тяжелая работа, бессонные ночи за работой, всяческие издевательства. Все, что лежит в будущем, рисуется в самых мрачных красках:

«Там леса дремучие,
Болота зыбучие,
Грязи там вязучие
Да пески сыпучие,
Реки порожистые,
Горы каменистые,
Солнышко горячее,
Морюшко зыбучее».

Сравнивает людей и богов своей деревни, таких знакомых и милых, с людьми и богами чужой стороны:

«Как на нашей стороне
Люди жалостливые,
Боги милостливые,
А на той-там стороне
Боги немилостливы,
Люди нежалостливы. //
Там не придет мамушка,
Не пошлет с работушки,
Придет там чуж-чуженин
С плеточкой шелковой».

Сравнивает природу и условия работы дома и на чужой стороне:

«Как на нашей стороне
Рощицы садовые,
Мяндачи сосновые,
Поля наши чистые,
Хлеба колосистые,
Поженки зеленые,
Цветики лазоревы.
А на той-там стороне
Пожни камневатые,

По этой просьбе девицы поют тягучие печальные песни о тяжелой доле замужней женщины. Репертуар этих песен довольно богат. Привожу их дальше отдельным параграфом.

Сена ломоватые.
Там поля гористые,
Сами каменистые.
Растет крапива жгучая
Да осоть колючая,
Изожгет да исколет
Мои нежны рученьки».

Пробует она уговорить родителей не продавать ее в неволю:

«Мое схоже солнышко,
Мой родимый татенька,
Бог судья те, татенька!
Избываешь, татенька,
Меня, красну девицу,
От села, со города,
Как лихого ворога.
Бог судья те, татенька!
Уж как не дал, татенька,
Мне зрости да вырости.
У меня у девицы //
Ручки-ножки тоненьки
В плечах сила легонька».

Видя непреклонность отца, обращается к матери:

«Жалкая, желанная,
Моя родная матушка,
Ты сыми-ко, матушка,
С родимого батюшки
Всю-ту волю-большину,
Со меня со девицы
Всю печаль-кручинушку».

Бывали попытки избежать рабства бегством, уходом из дома. В причитаниях встречается описание блужданий девицы, которая ушла из дома «во чистое полюшко». Там лежали «три пути-дороженьки». Пошла она по первой дороге, но вскоре сообразила, что эта дорога ведет ее как раз навстречу работорговцам. Пошла по второй, но оказалось, что она ведет в самую глушь лесов и болот. По ней рыскали «звери лютые», от которых у девицы не было никакой защиты, никакого оружия.

«Тут пошла я девица
Ко синему морюшку.
На синем на морюшке
Стадо уток плавает.
Вдоль синего морюшка,
По крутому бережку

От девиц невеста возвращается домой и обращается к матери:

«Посмотри, послушай-ко,
Моя родная матушка,
На любушек-голубушек.
Сколь им жить-то весело,
Распевать, беседовать,
Да говорить, советовать.
Как на их, голубушках,
Все наряды цветные
[Как цветы цветут] да светуют.
А на мне, на девице,
Призатускло платьице,
Призавяля красота».

Молодец похаживат,
Молодец похаживат,
Да тугой лук натягиват.
Простонала стрелонька,
Стрелонька каленая,
Угодила стрелонька
В белую березоньку
Над моей головушкой. //
Побежала девица
От синего морюшка.
Увидала девица
Стоит банька утхляя
Углы обвалилися,
Окна покосилися.
Отворила девица
Эту баньку утхлую.
Увидала девица
Шамшуру-кикимору.
У ее глаза змеинные
Когти-ге зверинные,
Испужалась девица,
Двери призахлопнула».

После этих приключений беглянка возвращается домой. В самом деле, куда было убежать в те времена? Кругом леса да болота. Дикие звери и не менее дикие люди. Люди еще страшнее зверей. Одинокого беглеца — особенно женщину, — не стоящего под покровительством своего рода, «изгоя», всякий мог взять в рабство или убить безнаказанно. Страшнее же всего были сонмы злых духов, обитавших везде — в реках, лесах, камнях, болотах. Беглеца, неограждаемого своими родовыми богами, они могли замучить, убить, высосать кровь или увести в свой таинственный жуткий мир.

Оставалась одна дорога к избавлению — смерть. Но самоубийца, как и беглец, лишался покровительства своих богов, отлучался от своего рода, не мог после смерти попасть в обиталище своих умерших сородичей и предков. После смерти он должен // был вечно блуждать, преследуемый

Обращается к отцу:

л. 277

«Мое схоже солнышко,
Мой родимый батюшке,
Бог судья те, татенька,
Избываешь, татенька,
Меня, красну девицу,
Со двора, со города, //
Как лихого ворога.
Скоро вы избудете,
А долго не забудете.
Бог судья те, татенька.
Уж как не дал, татенька,
Мне взрости да вырасти,
Да с умом собратися.
У меня, у девицы,

злыми духами. Другое дело, если бы смерть последовала или в бою, или в качестве жертвы родовым богам, от руки своей родни. Поэтому девица просит отца:

«Ты сходи-ко, татенька,
К кузнецу во кузницу.
Уж ты скуй-ко, татенька,
Три сабельки вострые
Да три ножа булатные.
Отруби мне, татенька,
С плеч головку буйную.
Уж ты брось-ко, татенька,
Мою буйну голову
Да мое тело белое
Во синее морюшко,
Морюшко глубокое».

До последнего дня она волнуется, умоляет богов помешать продаже ее в рабство, наблюдает: за несчастными и счастливыми приметам. При счастливых приметах радуется и обольщается надеждой:

«Прилетела пташечка
Со чужие стороны.
Села птичка-пташечка
Под кутно окошечко,
К моей дивьей красоте.
Мне сказала пташечка:
— Ты не плачь-ко, любушка,
Не тужи, голубушка!
В чужой дальней стороне
Все-те люди примерли,
Все они преставились,
На тот свет отправились».

Ручки-ножки тоненьки,
В плечах сила легонька».

Снова обращается к матери:

«Жалкая, желанная,
Моя родная матушка,
Ты сыми-ко, матушка,
С родимого батюшка

Но вот является другая, недобрая примета: //

«Вдруг, за этой пташечкой
Прилетел сизой орел.
Уж как сел сизой орел
На окно косельчато.
Мне сказал сизой орел:
— Ты поплачь-ко, любушка,
Потужи, голубушка,
В чужой дальней стороне
Кони изналажены,
Сабельки наточены,
Копья заторочены.
Чары пьют прощальные.
Только сесть да ехати
В дальний путь-дороженьку».

Она молится своим богам:

«Заломите бурами,
Черными колодами
Все пути дороженьки
С черной дальней стороны.
Чужого чуженина
Силу-рать великую
Во пути запутайте,
Пались бы, попались бы
Чужие чуженины
На зверя рыскучего,
Зверя поскакучего,
Да на медведя лютого».

Но вот прошел слух, что шайка бродячих торговцев уже приближается, что она ведет торг по соседним деревушкам-градкам. Девушка в ужасе. Стихи ярко передают это: //

«Испужалось у меня
Да ретивое сердчко.
Подломились у меня.
Да по колен резвы ноги.
Отвалились у меня
Да по кистям белы руки».

[Сыми-]ту вольку-большинку,
А с меня, со девицы,
Всю печаль великую.
Откажи-ко, мамушка,
Чужому чуженину
На чужую сторону».³³

В праздничные дни невеста причитает почти целый день, чередуя причитания с песнями подруг. В этих причитаниях всего больше выливается личного, авторского. Они очень разнообразны и приводят их все нет возможности. Привожу одно причитание невесты, выходявшей за человека, любившего выпивать и играть в карты, что она хорошо знала. Нужно сказать, что действительность оправдала ее опасения, выраженные в причетах, и ей пришлось разойтись с мужем.

л. 278

«Сегодня у Господа
Воскресенье светлое,
Всех людей просветило,
Меня одну прослезило. //
Похожу, погуляю
У схожего солнышка,
У родного батюшка
По светлой по светлице,
По высокой горнице.
Уж как наша светлица
В темном лесе рублена,
Да на конях вожена,
Вниз по Устье плавлена,
К бережку представлена,
На красу поставлена.
Мимо нашей светлицы
Ходят люди добрые,
Люди все хорошие,
Ко ранней заутрене,
Ко денной обеденке,
Ко поздней вечеренке.
А во дальней стороне
У чужа-чуженина
Во чистом во полюшке
Стоит домишко старое,
Углы обвалилися,
Окна покосилися.
У чужа-чуженина

³³ Составлено по записям со слов Ал. Ст. Паршинского (д. Алферовская), Устина М<ихайловича> Попова (д. Лушово), Офимьи Рогачевой и Елизаветы Дм<итреевны> Рогачевой (д. Кырканда).

Из скота-живиньца
Лишь петух да курица,
Из добра-иминьца
Только крест да пугвица,
А из хлеба-обили
Сухаришек ситено.³⁴
Сам охоч чуж-чуженин
В карточки поигрывать,
Картами похлапывать,
Серебром побрякивать.
Он охоч, чуж-чуженин, //
Рюмочкой постукивать,
Пьяным напиватися,
Во грязи валятися.
Настюсь я, девица,
У кабака на лесенке
И наплюсь я, девица,
Во дворе под еслями,
Навижусь я, девица,
На белом на личике
Синевиц-подглазениц.³⁵
Тут я вспомню, девица,
Тебя, схожее солнышко,
Родимого батюшку,
Не добром, не спасибом,
А укорой горькою.
Тут я вспомню, девица,
Тебя, родиму мамушку,
Что умела вырастить,
Не умела выдати.
Остаешься, татенька,
Ты старым-старшенек,
Да худым-худешенек.
Доживешь ты, татенька,
До весны до красные.
После весны красные
Будет лето теплое.
И пойдешь ты, татенька,
Вверх по Усье-матушке
На ту речку Кизиму.
Придешь, сядешь, татенька,
К шалашу тесовому
Над рекой над Кизимой,
На крутом угорышке.
Посидишь-послушаешь,

л. 279

³⁴ Корзина, из которой сеют хлеб.

³⁵ Синяков от побоев.

Посидишь-подумаешь: //
 — Страшно мне приняться
 Тяжеленько взятыся
 За косу точеную
 А была бы девица,
 Все бы дело сделала:
 Подкосила травоньку,
 Нагрела зародки.³⁶
 Скукует кукушечка
 На березке беленькой,
 За речкой за Кизимой.
 Это не кукушечка,
 Это я — горюшечка».³⁷

IV. Песни о женской доле

Эти песни часто поются на свадьбе, не только девицами, но и женщинами, участницами свадебных церемоний.

1

Было непошто³⁸ с дому торопиться.
 Жить у татеньки в домике хорошо.
 В чужих людях рано будят,
 На работушку гонят до зари.
 Мне чужая работа не по силе,
 С той работушки рученьки болят.
 Болят ручки, ноют мои плечи,
 Со здыханьница белая грудь болит.
 Сердце бьется, к печали предается:
 Кого любила, того мне стало жаль.
 Жаль тошнехонько своего милого,
 Жаль Иванушка, парня-сокола. //
 Куда же он скрылся, соколик, удалился
 На все лето, милый, от меня?
 На все лето, да на всю зиму,
 На весь кругленький, милый, на годок.
 На прощаньнице миленький оставил
 С руки перстень, золото кольцо.
 Золотое-то колечико литое
 Он для памяти мне-ка подарил.
 Днем на рученьке колечико носила,
 К ночи в головы клала я его,
 По утру я раннешенько вставала,

³⁶ *Зароды* — стога.

³⁷ Со слов Пелагеи К. Буториной (д. Алферовская).

³⁸ *Непошто* — незачем. — А. В.

Улевалась горячими слезьми.
Потому я уливалась-уплакалась,
Что желанного видела во сне.
Две пуховые ноченькой подушки
Потопила я, девушка, в слезах.
Одеяльце легкое цветное,
Ох, да не согрело белые груди.
Потому же оно ведь не согрело,
Что без милого друга спать легла.
За окошечко, девушка, взглянула,
Вижу, едет мой милый на коне.
Едет, едет мой миленький, желанный
Во высоком верховом седле.
Во деревенку миленький заехал,
Он в гармошажку баско заиграл.
— Ты играй-ко играй, моя гармошка,
Да слушай, милая, хорошая моя!³⁹

2

Девья воля дорогая,
А бабья воля не такая.
Сейчас куда волюшка
Девалась, да куда потерялась? //
А на родимой на сторонке
Воля жить осталась.
Завела меня воля во неволю,
А из неволи да во худую славу.
Худая-та слава мне, девушке, надоела,
А гулять-то воля со милым не велела.
У нас с миленьким была любовь большая,
А разлука очень тяжела.⁴⁰

л. 282

3

На родимой на сторонушке не болит сердечико,
На чужой-дальней сторонушке растужилося.
У родимого у батюшки работа легка.
У родимой у матушки погулять вольно.
Я гуляла день до вечера, до белой зари,
До белой зари, до утренней.
По утру поздным-позднешенько будит матушка:
— Ты вставай-ко, дочка милая. Обедать пора.
— Обожди, моя родимая, дай еще поспать.

³⁹ Записано в д. Кырканда.

⁴⁰ Записано в д. Кырканда.

— Неровно-то взамуж выйдется,
Неровен-то муж достанется,
Либо вор, а либо пьяница,
Век промашься.
На чужой дальней сторонушке
Будит свекровушка,
Во потемочках будит, да ругается,
Над сонливой над молодкой насмехается:
— Ты вставай, вставай, молодушка,
Работать надо давно.
Ты работай-ко, молодушка, да не постаивай,
На родимую сторонку да не поглядывай,
Про своих да про родимых не выспрашивай.⁴¹

4

л. 283

Горе мое да гореваньце,
Наперед меня горе родилось. //
Родилось горе в субботу,
А уж как я, молода, в воскресенье.
Отдает меня сударь-батюшко взамуж,
Да за такого же гада за урода.
Уж и худ же он, гад, да некорыстен,
А к тому же он, гад, да испивает,
На цареву на кружалище ходит,
С кабака поздно вечером прибродит.
Он разуться, раздеться сам не может,
Раздевать его надо, дурака.
За сапог я берусь, млада, за правой,
Он пинает во белое лицо.⁴²

5

Спородила меня матушка
На закате красна солнышка,
На исходе светла месяца.
Как вспоил да вскормил татенька,
Отдавала взамуж маменька.
Как у нашего у татеньки
Семь полей пшены засеяно.
Как у нашей-то у маменьки
Три нас дочери хорошие,
Все три дочки запросватаны:
Перва доченька за барина,
А другая за татарина,

⁴¹ Синицкая Марфа Антоновна, 60 лет, д. Куриловская. — *В. Щ.*

⁴² Записано в д. Кырканда.

Третья дочка за крестьянина.
Отдавала меня мамушка
За сто верст, за всю за тысячу,
За три церкви за соборные,
За три звонны колокольные.
Не велела мне-ка мамушка
Почасту гостить, проведывать,
В семь годочиков одинова.
Я в неделку стосковалася,
На другую сгоревалася. //
Как на третью на неделюшну
Не пилося и не елося,
К мамке в гости захотелося.
Уж я выйду, молодешенька,
На высокое крылечико.
Попрошу а, молодешенька,
Да у птички-пташки крылышки.
Полечу я, молодешенька,
Во сырой во бор, на дерево.
Ты скрипи, скрипи, деревцо,
Слушай, мамушка родимая.
Не твое ли чадо молится,
Восковая свечка топится?
Она в гости к мамке просится.⁴³

л. 284

6

Я по сеням шла,
По новым сеням, решетчатым,
Призаврав полы у куньи шубоньки,
Чтобы шубонька не прошумливалала,
Чтобы петельки не промолвили,
Чтобы пуговики не пробрякнули,
Чтобы не учул мой лютый свекор,
Чтобы не сказал он своему сыну,
Своему сыну, да моему мужу.
Ежеден он пьет, вовсе пьян живет,
Уж он бьет свою жену по белу лицу,
По белу лицу за безделицу.⁴⁴

Первые две песни поются чаще других. Последние четыре уже мало кто помнит, дальше я помещаю песни более нового происхождения.

⁴³ Рогачева Елизавета Дмитриевна, записано в д. Кырканда, 1926 г.

⁴⁴ Попов Устин Михайлович, д. Лушево, брат Кошелевой Евд<окии> Мих<айловны>, свекр сестры Романова М. И. Манефы Ивановны, в замужестве Поповой. — В. III.

7

л. 285

Стоит верба над рекой,
 Вся она увешена.
 Я у татеньки, у маменьки
 Жила не испотешена. //
 Тешат, тешат молодую
 На семнадцатом году.
 Уж хоть тешьте, хоть не тешьте,
 Самоходочкой уйду.
 Татеньке без сватанья,
 Мамоньке без страданья,
 Красным девушкам без слез,
 Меня миленький увез.⁴⁵

8

Случилась беда-несчастье,
 От купца дочка ушла.
 Отец с матерью дочери хватились,
 Все улочки изошли,
 Своей дочки не нашли,
 Ко племянникам зашли:
 — Вы, племяннички родные,
 Не слыхали ли сестры?
 — Не плачь, наш дядюшка родной,
 Не пропала твоя дочь,
 Не пропала, на руки попала,
 Как во самую вчерашнюю полночь.
 На Кокшеньге на реке, на бережочке,
 Стоит церковь Спаса на красе.
 Тут венчалась твоя дочка.
 Она венчалась и обручалась,
 Слезно плакала, рыдала.
 Не за барина она попала,
 Не за барина, не за купца,
 А за крестьянина парня-молодца.⁴⁶

В последних выступает просыпающаяся воля женщины к самостоятельности, резкий протест против сложившегося веками рабского, безответного положения.

Если свадьба совершалась по любви и по желанию брачующихся, то многие из приведенных выше причетов выбрасывались л. 286 и, вообще, // наблюдалось стремление сократить древний ритуал

⁴⁵ Записано в д. Кырканда.

⁴⁶ Синицкая Марфа Антоновна, 60 лет, д. Куриловская. — В. Щ.

до минимума. Песни на свадьбе тоже подбирали более жизнерадостные. Из старинных этого рода песен можно привести только одну.

9

«Как у ключика, да у гремучего,
У колодчика да у дубового,
У свежи воды да у ключевые
Там стоял ин белый шагричек,
Белый шатричек, полотняненький.
А уж у того ли ключика гремучего
Добрый молодец, да он коня поил.
Красна девица да воду черпала.
Она черпала да низко кланялась.
Прилетали голубь со голубкою.
Они испив воды да прочь
Отлетели далекошенько во чисто поле,
В раздольице во широкое.
Садилась они да во одно гнездо,
Оне ножками да соплетались,
Крылышками да сомахались,
Мюсочками да соклевались,
Одну-ту они думушку думали.
Дивья тому, кто мил кому
Неболوزه⁴⁷ тому, что не мил никому».⁴⁸

Причитания невесты по различным частным случаям

1

К умершей матери.
Если мать похоронена недалеко, причитания происходят на могиле. //

«В забятях позабыла,
Во горе покинула
Белую лебедушку,
Родимую мамушку,
На погостах боевых.
Уж ты дунь, буен ветер,
Из-за лесу темного
На погосты буевы.

л. 287

⁴⁷ *Неболوزه* — нехорошо.

⁴⁸ Кошелева Мария Федоровна, д. Кырканда, внучка Кошелевой Евд<о-кии> Мих<айловны>, со слов своей бабки.

Уж ты сдунь, буен ветер,
 Со святы могилушки
 Родимые матушки
 Желтые песочки,
 Легки камешечики.
 Уж ты, мать сыра земля,
 Расколись да разомкнись.
 Приоткройся, гробова доска.
 Уж ты сдунь, буен ветер,
 Легко покрывальшко
 Со белого личика
 Родимой матушки.
 Подымись-ко, матушка,
 Свои очи ясные,
 Свои брови черные,
 Уж ты встань-ко, матушка,
 На резвые ноженьки.
 Ты пойдём-ко, мамушка,
 Со мной во товарищи.
 Что у нас-то диется,
 Что ведь совершается,
 У схожего солнышка,
 Родимого батюшка,
 Скоро думка думается,
 Скоро и кончается
 Для меня, для девицы
 Горе начинается. //
 Слава, слава Господу
 Да Царю Небесному,
 Созвала я скликала
 Белую лебедушку,
 Родимую матушку.
 Чу, идет ведь матушка
 Со погоста буева.
 Лапоточки скрипают,
 Бадажок чувьркает.
 На крыльцо сдымается,
 За кольцо имається».

Если причеты происходили на улице, невеста делает вид, что она ведет кого-то с улицы в избу.

«Поведу я, девица,
 Свою родну мамушку
 На частую лесенку,
 Со частые лесенки
 На красно крылечико,
 Со красна крылечика
 На моста калиновы,

Со мостов калиновых
Во светлую светлицу,
Во высокоу горницу.
Иду не по-старому,
Стукаю не по-прежнему,
Со стуканьем, с бряканьем,
С причитаньем-плаканьем.
Садись-ко ты, матушка,
На бросову лавочку.
Приустали у тебя
По колен резвы ноги.
Ты возьми-ко, матушка,
По правую рученьку
Родимого батюшка. //
Ты сыми-ко с батюшки
Всю-ту волю-большину,
А с меня, со девицы,
Всю печаль великую».

л. 289

После небольшой паузы, как бы одумавшись, она всплескивает руками и причитает:

«Уж я глупа девица,
Глупа сдогадалася:
Со тое-там стороны
Не выходят выходцы,
Не выносят весточки».⁴⁹

2

К умершему отцу:

«Уж ты дунь, буен ветер,
Со всех четырех сторон
На погосты буевы.
Уж ты сдунь, буен ветер,
Со святы могилушки
Родимого батюшка
Желтые песочки,
Легки камешечики.
Расколись ты, гробова доска.
Уж ты сдунь, буен ветер,
Легки полотеньшки
Со белого личика,
Со схожего солнышка,

⁴⁹ Рогачева Елизавета Дмитриевна, д. Кырканда, со слов своей матери.

Родимого батюшка.
Подыми ты, батюшке,
Свои очи ясные.
Уж ты встань, мой батюшке,
Приди к красной девице, //
Дай благословеньице
На чужую сторону,
Ко чужу-чуженину,
Слава, слава Господу,
Да Христу Небесному.
Созвала я скликала
Схожего солнышка,
Родимого батюшка
Со погоста буева.
Чу, идет мой батюшке,
Легки травки шелестят,
Камешечки скрипают,
Бадажек чувыркает,
Несет благословеньице
Мне-ка красной девице». ⁵⁰

Делает вид, что ведет отца в избу, садит на лавку, кланяется ему в ноги:

«Садись ты, батюшко,
На брусову лавочку
По правую рученьку».

Кланяется матери:

«А ты, родна матушка,
По левую рученьку».

Садится сама между матерью и воображаемым отцом и просит:

«Посоветуй, татенька,
Моей родной матушке.
Откажи-ко, матушка,
Чужину-чуженину
На чужую сторону,
Вы съмите с девицы
Всю печаль великую». ⁵¹ //

⁵⁰ Обращается она ... «ко всей родне великой», кланяется ей, упрашивает ее не гнать ее «со села со города». Не находя жалости у живых, обращается к умершим, в первую очередь к матери, если ее нет в живых. Сначала кланяется земле и молится ветру, повелителю загробного мира: «Уж ты дунь, буен ветер...»

⁵¹ Офимья Рогачева, д. Кырканда.

Брату, находящемуся в солдатах:

«В забытье позабыла,
 Во горе покинула
 Осколочка ясного,
 Родимого братейка.
 На черной на стороне
 На службе на царской.
 Не знает, не ведает,
 Родимой мой братейко
 На чужой сторонущке,
 Что на нашей стороне
 Тучи собираются.
 Ко нашему городу
 Рати соезжаются,
 Отдают меня, девицу.
 Во полон полоньти,
 Родимого батюшку
 Во корень розорити.
 Чую, конь попрыскивает,
 Молодец похваляется.
 Едет добрый молодец,
 Мой родимый братейко
 На пиры, на братчины,
 На мой девий праздничек».⁵²

4

Когда начинают варить пиво.

«Это что же за диво,
 Что за дивованьице:
 У родного татеньки
 На широкой улице
 Огни загорелися,
 Вода закипелася,
 Пиво заварилось, //
 Ты скажи-ко, татенька,
 Что к какому праздничку,
 Разве ко христову дню
 Али ко Петрову дню?
 Уж я глупа, девица,
 Глупа сдогадалася,
 Что пива-та варятся

л. 292

⁵² Офимья Рогачева, д. Кырганда.

И вино-то курится
На пиры, на братчинки,
На веселы свадебки.
Попрошу я, девица,
Вышнего спасителя.
Уж ты дай нам, господи,
Тученьку грозовую,
Да дождя матерого.
Ты залей-ко, тученька,
На широкой улице
Родимого батюшки
Те огни великие.
Расколи-ко, стрелонька,
Стрелонька громовая,
Судно пиворарное».

5

Брату, отправляющемуся за женихом:

«Голубочик сизенький,
Соколочик ясененький,
Мой родной братейко,
Ты куда сряжаешься,
Куда снаряжаешься?
Глупа, глупа девица,
Глупа сдогадалася.
Это ты сряжаешься
На чужую сторону //
Ко чужу-чуженину.
Это снаряжаешься
По чужа-чуженина.
Помолюсь я Господу
Да Христу Небесному,
Что тебе бы, братейку,
Во дорожке спутаться,
Во лесах запутаться,
Во чистом во полюшке
Голова положите».⁵³

л. 293

Последняя баня невесты

Очень разнообразны причитания, связанные с последней баней невесты. В бане творятся приведенные раньше заклинания

⁵³ Последние причитания со слов Офимьи Рогачевой, Устина Михайловича Попова, Елизаветы Дмитриевны Рогачевой (со слов ее матери).

и магические манипуляции, имеющие целью оградить невесту от «уроков» и «призеров». Причеты начинаются после бани. Вернувшись домой из бани, невеста причитает:

«Спасибо, матушка,
За парную банюшку.
Истопила матушка
Парную банюшку,
Парную и неугарную.
Только за то не спасибо:
Не указала матушка
Мне пути-дороженьки
Во парную банюшку.
Пошла я, девица,
Пошла заблудилася.
И ушла я, девица,
Во чистое во полюшко. //
Во чистом во полюшке
Три пути-дороженьки.
Перва путь-дороженька
Во леса дремучие,
В болота зыбучие.
Другая дороженька
Ко синему морюшку.
Третья путь-дороженька
На чужую сторону
Ко чужу-чуженину.
Угодила девица
В ту ли путь-дороженьку
Ко чужу-чуженину
На чужую сторону.
И пришла я, девица,
Середь поля чистого
Стоит дворище старое.
У дворища старого
Углы обвалилися,
Окна покосилися.
По кирпичной середе
Ходит баба старая,
Ходит обрягается,
Меня дожидается.
Уж как тут я, девица,
Встала-призадумалась,
Назадь воротилася.
Тут пошла я, девица,
В другую дороженьку —
Во леса дремучие,
В болота зыбучие,
Во лесах дремучих

л. 294

л. 295

Я понаблудилася. //
В болотах зыбучих
Страсти насмотрелася.
От зверей могучих
На елях спасалася,
Со лесным хозяином
Девушка встречалася.
Тут я придумалась,
Назад воротилася.
Тут пошла я, девица,
Ко синему морюшку.
На синем на морюшке
Стадо уток плавает.
Вдоль синего морюшка
По крутому бережку
Молодец да похаживает.
Молодец похаживат
Да тугой лук натягиват.
Простонала стрелонька,
Стрелонька каленая,
Угодила стрелонька
В белую березоньку
Над моей головушкой.
Побежала девица
От синего морюшка.
Увидала девица,
Стоит банька утлая,
Углы обвалилися,
Окна поносилися.
Отворила девица
Эту баньку утлую.
Увидала девица
Шамшуру-кикимору.
У её глаза змеиные,
Когти-то зверинные. //
Испужалась девица,
Двери призахлопнула.
Тут сняла я, девица,
Со правые рученьки
Золото колечико.
Покатись, колечико,
Укажи дороженьку,
Покатилось кольчико
По лужку зеленому
По траве по шелковой.
Где колечко катится,
Тут дорожка кажется.
И пошла я, девица,
По этой дороженьке.

л. 296

И дошла я, девица,
До парные банюшки.
Наша парна банюшка
На красе поставлена,
На крутой угорышек».

Кланяется матери, сестре и другим родным:

«Тебе спасибо, мамушка,
За щелока едреные,
Да за шелка шелковые.
Тебе спасибо, татенька,
За мыла канфоровы.
Тебе спасибо, братейко,
За дрова сосновые.
Тебе спасибо, сестрица,
За воду ключевую.
Как зашла я, девица,
Во сени сосновые.
Во сенях сосновых
Есть три крюка медные.
На первый крюк повесила
Коснички-накоснички, //
Мелки наборочнички.
На другой крюк весила
Свои платочки белые,
На третьей крюк весила
Свое платье цветное.
Отпирала девушка
Во парную банюшку
Двери-те стеклянные.
Двери тут стеклянные,
Каменки хрустальные.
Три таза тут медные,
Три окна колодные.
На окно положила
Свое мыло цветное.
На другое клала я
Свои белила белые.
А на третье клала я
Свои румяна красные.
Уж я стала, девица,
Мыться-промыватися.
Уж я мылась, девица,
Мылась сберегалася:
Водой бы не сбутькати,
Тазом бы не брякнути,
Не репу жать бы девице
Шамшуры-кикиморы.

л. 297

Уж водой я сбутькала,
 Уж я тазом брякнула,
 Разбудила, девица,
 Шамшуру-кикимору
 Под полком поддубовым.
 Увидала Красота
 Шамшуру-кикимору
 На полке на дубовом: //
 Когти-те устарила,
 Да зубы-те оскалила,
 Испужалась Красота
 Шамшуры-кикиморы,
 Залетала Красота
 По парной по банюшке.⁵⁴
 Угодила Красота
 В дымное окошечко,
 Улетела Красота
 В дымное окошечко
 Через быстру реченьку,
 Через Устью матушку,
 За большу дороженьку,
 На белу березоньку,
 На саму вершиночку.
 Кричит-вопит Красота:
 — Спасибо, девица,
 Что в честе ты держала,
 Да в обиходе водила.⁵⁵
 А за то не спасибо,

⁵⁴ Духом-хранителем девицы в пределах своего рода была Красота, представлявшаяся в виде птицы. Вот откуда идут ласкательные имена — голубушка, ласточка, касаточка, лебедушка, а в финском фольклоре — уточка, курочка. Уходя из пределов рода, девица лишалась этого хранителя, так как Красота была родовым духом и в чужой род переходить не могла. Как только переступа//ла невольница за границу родной земли <...> По одним вариантам Красота топится в огненной реке, по другим — невольница передает ее своей младшей сестре (л. 249—250).

⁵⁵ Такое поведение личного духа вполне понятно. Рабыня — не член своего рода. Обряд «одерёни» отделил ее от своего рода, как дерно могилы отделяет мертвых от живых. Рабыня будет членом того рода, куда забросит ее судьба. В каждом роде имелись свои боги. Среди <н>их чуждому духу было и не могло быть места. В дороге, между границами родов, у Красоты имелся злобный враг — Шамшура-Кикимора. Мотивы — борьбы и нападений Шамшуры-Кикиморы на Красоту часто встречаются на старых полотенцах Устья и Кокшеньги. Красота обычно сидит на вершине дерева, а Шамшура-Кикимора, в образе тигра или кошки, с широкой пастью и длинным хвостом, стоит под деревом. На некоторых вышивках Красоту охраняет строй девиц с копиями в руках, а по ту и другую стороны дерева стоят женские фигуры в жреческих позах.

Что не сказала девица
Во парной во банюшке
Шамшуры-кикиморы.
Заростай, дороженька,
Во парную банюшку
Ельничком, березничком,
Мелким подорожничком.
Тут прошла я, девица,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии».

Кланяется сестре:

«Дай-ко мне-ка, сестрица,
Рыбной кости гребешок, //
Гребешочек частенький».

л. 299

Кланяется матери:

«Принеси-ко, мамонька,
Мне-ка платье цветное,
Мне-ка нарядиться,
Мне-ка набаситься».

Причесавшись и переодевшись в праздничное платье, невеста
ходит по избе и причитает:

«Похожу я, девица,
У схожего солнышка,
Родимого батюшка
По светлой по светлице,
По высокой горнице,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии.
Посмотрите на меня
Все вы, люди добрые,
Старые и малые.
Заводил мне батюшка
Платье разноцветное,
По деревне первое,
От людей отменное,
Лишь цветет да светает».

Кланяется отцу:

«Тебе спасибо, татенька,
Что умел ты, татенька,
Выпоить да выкормить,
Снарядить да набасить».

А за то не спасибо —
Не умел ты, татенька,
Добра места выбрати
У чужа-чуженина
На чужой стонушке.
На чужой на стороне
Там недоброй батюшка,
Там лихая матушка». //

л. 300 Заплетает косу и причитает:

«Уж ты, коса-косонька,
Девье красованьце.
Уж вы, косны-коснички,
Шелковые ленточки.
Покатайся, косонька,
С плечика на плечико
К ретиву сердечики.
Пролетел мой девий век,
Как весной большой водой,
Уплыл будто вешний лед.
У родного батюшки
Под красным окошечком
Садики сажённые,
Во садах во садиках
Распевают пташечки.
Я охоча, девица,
Во садах во садиках
Ходити да гуляти
Со шитьем со тканьцем,
С девьим красованьцем».

Если невеста отдается против ее воли, то прибавляется:

«Бог судья те, татенька!
Не хотел ты, татенька,
Мной подорожитися.
Отдаешь ты, татенька,
Меня, красну девицу,
Силою, неволею,
Большой неохотою.
Мне идти не хочется,
А воли снять да не приводится.
Если снять мне волюшку
С родимого батюшка,
Да с родимые матушки, //
Осудят люди добрые
Меня, красну девицу.
Ты сходи-ко, татенька,

л. 301

К кузнецу во кузницу.
Уж ты скуй-ко, татенька,
Три сабельки вострые,
Да три ножа булатные.
Отруби мне, татенька,
С плеч головку буйную.
Да уж ты брось-ко, татенька,
Мою буйну голову,
Да мое тело белое
Во синее морюшко,
В морюшко глубокое.
Лучше быть мне, девице,
В море утопленную,
Чем на свете жить,
Да за неровнею». ⁵⁶

«Поезд»

Свадебный «поезд» составляется из родственников жениха. Чем богаче и почетнее жених, тем многочисленнее и богаче «поезд».

Поезжане являются на верховых лошадях или в праздничных экипажах, — тарантасах или санях, — со множеством колокольцев под дугами.

В доме у жениха бывает небольшое угощение, носящее характер подкрепления в дорогу. Поезжане сидят при этом в верхней одежде, в полной дорожной готовности. Перед отправкой поется песня:

Как за тыном было тынышком,
За серебряной решеточкой,
Во дворе было по-за терему, //
Ходит добрый молодец, детинушка.
Он имает своего добра коня,
Он уздает его уздой серебряной,
Он седлает его черкасским седлом.
Да уж и кличет он громким голосом:
— Уж вы, братцы, мои товарищи,
Вы седлайте-ко своих добрых коней,
Вы точите-ко сабли вострые,
Вы поедем со мной во товарищи,

л. 302

⁵⁶ По записям со слов Офимьи Рогачевой, Парасковьи Буториной (д. Алферовская), Устина Михайловича Попова, Ал. Ст. Паршинского, Елизаветы Дмитриевны Рогачевой (со слов ее матери) и по записям учеников Кыркандской школы Ивана Абрамова и Михаила Шестакова.

Что во дальнюю ли путь-дороженьку,
В чужу-дальнюю сторонушку
По красну девицу, Анну Ивановну.⁵⁷

Начальник поезда, — из особо почетных родственников жениха, — называется «тысяцким». Специально для предотвращения всякого рода «порчи» и «уроков» от жениха и всего «поезда», несут «дружка» и «посаженный сватушке». «Дружкой» приглашался какой-либо знахарь.

Его обязанностью было шептание заговорных слов. «Тысяцкий» назывался также «большим боярином», а все остальные «поезжане», а в том числе и «князь» — жених, — носили звание «бояр». Звание тысяцкого в свадебном чине считалось, вообще, весьма почетным, значительно выше звания «князя». В этом сказалось, быть может, древнее новгородское понятие о высоком звании этого новгородского чина. Устьянские волости, до подчинения Москве, управлялись выборными тысяцкими.

«Поезд» мчался к деревне невесты со звоном колокольцев, с песнями, с криками, с ревом гармоний. У околицы деревни или у дома невесты его останавливали местные ребята и требовали «воротное». «Воротное» выплачивалось деньгами или водкой. Пока шли переговоры о размерах «воротного», к невесте собирались девушки со всей деревни.

Невеста причитала в это время: //

л. 303

«Я спала да лежала,
Темную ночь коротала,
Подушечку пуховую
Всю в слезах умочила.
Одеяло цветное
В ноги запинала.
Мне во сне приснилось,
Младе показалось:
Прилетела пташечка
Со чужие стороны.
Села птичка-пташечка
Под кутно окошечко
К моей дивьей красоте.
Мне сказала пташечка:
— Ты не плачь-ко, любушка,
Не тужи, голубушка.
В чужой дальней стороне
Все те люди примерли.
Все они представились,
На тот свет отправились.

⁵⁷ Свадебная опевальная. Исполнители не названы. — А. В.

Вдруг, за этой пташечкой
Прилетел сизой орел,
Уж как сел сизой орел
На окно косельчато.
Мне сказал сизой орел:
— Ты поплачь-ко, любушка,
Потужи, голубушка.
В чужой-дальней стороне
Кони изналажены,
Молодцы снаряжены,
Сабельки наточены,
Копья заторочены,
Чары пьют последние.
Только весть да ехати
В дальний путь-дороженьку». //

Кланяется иконам, каждой в отдельности:

л. 304

«Помолось я Господу,
Да Христу Небесному,
Спасу с Богородицей,
Да Егорью Храбромю,
Да Миколе Вешнему,
Да распятью честному,
Парасковье-Пятнице,
Да Илье громовому,
Да Казанской Матушке и т. д.
Заломите бурями,
Черными колодами
Все пути-дороженьки
В чужу-дальну сторону,
Чужака-чуженина
Силу-рать великую
Во пути запутайте.
Пались бы, попались бы
Чужие-чуженины
На зверя рыскачюго,
Зверя поскакучюго,
Да на медведя лютого».

Заслышав звон колокольчиков подъезжающего «поезда», не-
веста причитает:

«Испужалось у меня
Да ретивое сердчко.
Подломились у меня
Да по колен резвы ноги.
Отвалились у меня
Да по кистям белы руки».

Идет к окну и смотрит на улицу:

«Это что же сробилось,
 Что же это сдиялось: //
 У схожего солнышка,
 Родимого батюшка,
 Во светлой во светлице
 Люди сбунтовалися
 В окна заметалися?
 Там, во чистом полюшке,
 Сила-рать наехала.
 Скачут кони борзые,
 Блещут сабли вострые.
 А по нашей реченьке
 Ходки лодки наплыли,
 Ровно гуси серые
 От синего морюшка.
 На широкой улице
 Все нашли-наехали,
 Все земли незнамые,
 Люди незнакомые,
 Сила-рать великая,
 Сила королевская».⁵⁸

Кланяется отцу:

«Мое схоже солнышко,
 Мой родимый батюшко,
 Ты приставь-ко, батюшко,
 К воротам воротничков,
 Да ко дверям придверничков,
 По за тыну тынщиков,
 По за валу лучников.
 Чужина-чуженина

⁵⁸ Тот же вариант находим в Очерке 4 в главе 3 «Торг» и следующий комментарий: «Варяги приближаются к городку. Стража на вышке бьет в деревянное било. Приближающиеся трубят в рога в знак того, что они не собираются нападать врасплох, а идут с добрыми намерениями. Вооруженные парламентареры выходят с той и другой стороны. Население городка наблюдает за приближающимся отрядом с деревянной ограды и из окон высоких теремов. Страх, любопытство, ожидание покупок поднимают настроение у всех, кроме несчастных девушек, предназначенных к продаже». // И [комментарий] к концовке: «Между тем парламентареры обеих сторон условились о порядке вступления в город. Гости дали слово не превращать торг в побоище. Стража ворот, „воротники“, взяла с них заложников. Обезоруженные заложники могут быть убиты, если вооруженные гости вздумают пустить в ход свое оружие. Пережитком этого является обычай брать залог, „воротное“, со свадебного „поезда“, при его въезде в деревню невесты» (л. 239—240).

Силу-рать великую
Отбивай от городу.
Заиграйте, трубоньки,
Трубоньки отбойные,
Заряжайте, братейка,
Пулями да порохом
Ружья зверобойные». ⁵⁹ //

«Поезжане» входят в избу. Невеста вскрикивает и плачет: л. 306

«Не успел мой батюшко
Ворот призатворити,
Дверей призахлопнути.
Не успели лучники
Легки стрелы выпустить,
Как нашла-наехала
Сила-рать великая,
Сила необорная.
Заиграли сабельки,
Сабельки булатные.
Застонали стрелоньки,
Стрелоньки каленые.
Алой кровью полита
Травонька зеленая.
Не в пиру-похмельице
На широкой улице
Улеглись-уكلалися
Братьица родимые.
Захватили вороги
Город-городищице,
Крепкое печищице,
Как схожего солнышка,
Родимого батюшка,
Во полон полонили.
Белую лебедушку,
Родимую матушку,
На век упокоили.
Соколочков ясненьких,
Моих родных братьицев,
Со города вышибли.
Меня, красну девицу,

⁵⁹ Последние слова, конечно, позднейшая модификация. В причитаниях вообще наблюдается большая путаница различнейших эпох, т.е. каждая «мастерица», инструктирующая невест в причетах, может вносить, и часто вносит, свое личное, авторское. Мною здесь берутся не целые причитания, а из многих вариантов, и беру самое архаичное. (Тот же вариант текста находим в Очерке 4 в главе 3 «Торг».)

Горькую, несчастную,
За себя получили.⁶⁰ //

л. 307 *«Вышибание» невесты*

При входе в избу поезжане стараются задержать разными вопросами и расспросами, как будто бы они и в самом деле явились из «земли незнамые». Иногда происходят состязания в загадывании и отгадывании загадок.

Невеста стоит за столом, в сутках, и причитает:

«Дайте мне-ка, девице,
Со раем протитися.
Ты прости, прости, мой рай,
Мой раек пресветленький!
А охоча была, девица,
Под красным окошечком
Сидеть да беседовать
С шитьицем со браньицем,
С девьим рукодельицем».

Гости, один за другим, садятся к одному концу стола и передвигаются по лавке к суткам, додвинувшись до невесты, они начинают ее «вышибать», т. е. понемногу вытеснять из-за стола. Невеста обращается к дружке и тысяцкому:

«Уж вы, дружка с тысяцким,
Со большим боярином,
Что вы меня гоните?
Я не в вашей горнице,
Не за вашим столиком.
Я не ваш хлеб кушаю
И не вас послушаю».

Обращается к матери:

«Ты, бела лебедушка,
Родимая матушка,
Допусти-ко, матушка,
До кирпичной, середь».

⁶⁰ По разным записям из д. Кырканда, Лушово, Алферове и Мехреньга. Тот же вариант текста находим в Очерке 4 в главе 3 «Торг» // и комментарий: «Но предназначенная девице судьба неотвратима. Страшные гости идут в дом отца. Бывали случаи, когда они захватывали деревню врасплох и грабили ее. О таком случае говорится и в причитаниях» (л. 241—242).

Мать отвечает:

л. 308

«Будет, будет, доченька.
Выходи, родимая».

Выходя из-за стола, невеста причитает:

«Видно здесь мне, девице,
Уж не место-местичко,
Мне-ка не жилищнице.
Отказал мне татенька
От села от города,
От веселой горенки.
Ты отдай мне, татенька,
За полетки денежки.
Белая лебедушка,
Родимая мамушка,
Дай хлеба отхожие».

Мать начинает собирать на стол. В первую очередь выносятся и ставятся стопкой на середину стола караваи. Тысяцкий ставит на стол вино в четвертях. Невеста смотрит на гостей и начинает их высмеивать:

«Посмотрю да погляжу:
Это что же за люди.
Из земли незнамые,
Люди незнакомые.
Чтобы вам, чуж-чужины,
В дорогах попутаться,
Во лесах запутаться.
Пасть бы вам, чужиним,
На медведя лютого,
На медведя черного.
Положить бы головы
Во чистом во полюшке. //
Не бывать бы чужинам
На нашей сторонушке.
Вишь, нашли-наехали
Наголо лапотники.
Тяжелки-то⁶¹ смольные,
Пояски ременные,
Колпачки лесобные,
Рукавицы-вачеги.
Лапти все истоптаны
И веревки липовы.

л. 309

⁶¹ *Тяжелка* — рваная рабочая одежда.

Сидят чужи-чужины
 Как [с]ычи безгнездые,
 Сами загуменные.
 Ведь на вашей стороне
 Все леса дремучие,
 Болота зыбучие,
 Ходят звери лютые
 Под самыми окнами,
 У чужа-чуженина
 Стоит избище старое,
 Да дворище утлое.
 Из скота да живота
 Лишь петух да курица.
 Из посуды медные
 Только крест да пугвица,
 У избища старого
 Углы обвалилися,
 Окна покосилися.
 На печи в углу сидит
 Сам орлище старое.
 По брусowym лавочкам
 Сидят орлята малые,
 Сами соплеватые. //
 На кирпичной середе
 Тут орлиха старая,
 Старая, сердитая,
 Сажей вся замазана».

Невеста делает паузу и как бы начинает одумываться. После паузы продолжает:

«Ох-ти мне, да ох-ти мне,
 Ох-ти мне тошнехонько!
 А как за грех-то сдиется,
 По грехам доспиеется,
 Как я буду, девица,
 У тебя во светлице,
 Ты не ставь, чуж-чуженин,
 Мне-ка во причинушку,
 Не вороти кручинушку⁶²
 За слова досадные.
 Не сама я вздумала.
 Добры люди сложили,
 На веки уложили.
 Только что вы девицу
 Из поместья вышибли,

⁶² *Воротить кручину* — мстить.

Притеснили девицу
Ко печному столбику?
Мне куда деватися,
Куда притулитися?
Пойди я, девица,
На моста калиновы,
Со мостов калиновых
На красно крылечико,
Да на широку улочку.
Попойду тихохонько,
Да поклонюсь низехонько. //
Три недели прохожу.
Пойдем, девья красота,
Со мной во товарищи».

л. 311

Обращается к девицам:

«Вы пойдете, девицы,
Со мной во товарищи».

Невеста в сопровождении девиц выходит на улицу. На улице кланяется на все четыре стороны и причитает:

«Попойду я, девица,
По широкой улице.
Посмотрю я, девица,
Во все четыре стороны.
Как на нашей стороне
Сколь весело местичко,
Да сколь счастливо времичко.
Времичко часуется,
Счастьице минуется.
Как на нашей стороне
Люди жалостливые,
Боги милостливые.
А на той-там стороне
Люди не жалостливы,
Боги не милостливы.
Там не придет матушка,
Не пошлет с работушки.
Придет там чуж-чуженин
С плеточкой шелковою».

Обращается к девушкам:

«Вы пойдете, девицы,
Во высоки хоромы.
Сколько нам ни плаката,
Надо нам вернуться
Во светлую светлицу //

Ко схожему солнушку,
 Родимому батюшку.
 Уж как шла я, девица,
 Через речку огненну,
 Лежит жердка тоненька,
 Тоненька, сосновенька.
 Вперед пошла красота
 По той жердке тоненькой,
 Пошла, пошатнулася,
 Да в реку свалилася,
 Там и утопилася.
 Так во сне мне снилося,
 Так на деле сдиялось».

Стоит под окном своей избы и слушает:

«Чую за окошечком,
 Во светлой во светлице
 Все пиры да братчины,
 Все веселы празднички.
 Пропивают девицу
 На чужую сторону». ⁶³

«Вывод» невесты

Невеста с девушками идут в другую избу или в особую горенку той же избы, где происходит переодевание невесты. Девицы поют при этом одну из старых песен о женской доле. Наряженную невесту выводят к гостям две женщины, одна за одну руку, другая — за другую. Третья женщина несет поднос с «дарами». Если «даров» много, за ней еще идут с «дарами» на л. 313 подносах. // Подойдя к столу, все враз делают три поклона гостям. Невеста причитает:

«Здорово во тереме
 Вышжы Спаси-образы!
 Здорово во тереме,
 Посаженный тысяцкий,
 Сам великий боярин!
 Здорово во тереме,
 Посаженный сватушко!
 Здорово во тереме,
 Все сватя да сватюшки!

⁶³ По записям со слов Устина М. Попова, Офимьи Рогачевой, Елиз<аветы> Дм<итриевны> Рогачевой (со слов ее матери) и по записям учеников Кыркандской школы.

Здорово во тереме
По-за золоту столу
Все князи да бояра!
Здорово во тереме,
Дружка наша друженька,
Друженька хорошая!
К нашему-то татеньке
Налетели соколы,
Наезжали молодцы.
Навозили молодцы
Много пива пьяного,
Вина накуренного,
Много водки сладкие».

Дальше продолжает одна из женщин:

«Мы-то шли дорогою,
Шли приутомилися,
На пороге в горницу
Чуть не оступилися.
Поднесите, молодцы,
Нам хоть по стаканчику».

Гости подносят женщинам и невесте по стакану. Любящие вы//пить спутницы невесты новыми причетами выпрашивают по второй, третьей и т. д. чарке, приводя также доводы, что у человека две ноги, дом без троицы не строится, изба о четырех ногах и т. д. После четвертой или пятой рюмки начинается раздача «даров». Невеста причетами же, но поименно, вызывает каждого гостя и дарит ему что-либо: рубашку, полотенце, отрезь полотна, узорную поподольницу к нижней женской рубашке и т. д. Причета эти разнообразны и придумываются каждой невестой наперед, под руководством опытной старухи-причетницы. Приведу, для примера, два таких именных причета:

1

«Подойди — подступи,
Алексей Иванович,
Ко мне, красной девице,
Не гнушайся, сватушко,
Моим рукодельцем,
Той рубашкой новою,
Новой кашемировой,
Простроченой, вышитой
Для тебя излаженной».

«Подойди — подступи,
 Ванюшка Ефимович,
 Ко мне, красной девице,
 У тебя, у молодца,
 Русы кудри чесаны,
 Бело лицо вымыто.
 Ты не погнушайся-ко
 Белым платом бранным,
 Шитым полотенышком,
 Вытирати досуха
 Свое лицо белое». //

л. 315 После раздачи даров одна из женщин поет или говорит скороговоркой:

«Как на вас, на молодцах,
 Сапоги козловые,
 Кафтаны суконные,
 Кушаки шелковые.
 Можно вам положить
 Серебром да золотом.
 Вы кладите девице
 Кто рубль, кто два,
 С тысяцкого полтора.
 Мы дарили полотном,
 А вы дарите золотом,
 А меди не кладите нам,
 Нам медь не годится,
 Тяжело с ней возится».

На поднос, поставленный на стол, первым кладет жених — гостинец и деньги, а за ним кладут деньги остальные. Невеста причитает:

«Не осудите за дары.
 У меня, у девицы,
 Земля неродимая,
 Льны не уродились,
 Натонко не прялися,
 Звонко не ткалися,
 Бело не белилися.
 У меня, у девицы,
 Родимые братъица
 В поле полевальнички,
 В лесе лесовальнички.
 Ходят они по лесам,
 По зыбучим болотам, //

Вот, они наловят вам
В лесу зверя разного:
Лис, куниц да соболей.
Мы тожно вам выплатим».

л. 316

Опять выступает одна из женщин:

«На вас, на молодцах,
Кафтаны синие,
Шапочки бобровые.
У вас, у молодцев,
Кони сторублевые,
Дуги золоченые,
Шлеи простроченые,
Серебром усажены.
Вам, хорошим молодцам,
Только сесть да ехати,
Нашу красну девицу
Подхватить да увезьти».

Отец невесты берет ее за руку и передает жениху. Девушки поют:

«Сдал-то, сдал-то батюшке
Со бумажных рученек
На железны пащолки⁶⁴
Чужому чуженину».

Одна из женщин опять просит:

«Навозили молодцы
Много пива пьяного,
Много водки сладкие.
Поднесите, молодцы,
По веселой чарочке».

Невеста разносит и подает всем по стакану пива или по рюмке водки. Последнему подносит жениху. Жених пьет и целует // ее. Невеста причитает:

л. 317

«Пристыдил чуж-чуженин
При отце при матери,
При родимых братъицах,
При всей родне великой».

⁶⁴ *Пащелки* — кисти рук. — *А. В.*

Отходя от стола, продолжает:

«Недолго я стояла
Много я простояла:
Татеньку и мамоньку,
Всю родню великую,
Простояла девица
Свою девью красоту».

Передача красоты и обряд с сеном

Невеста уходит от гостей к девицам и там причитает:

«Допустите, любушки,
До брусовы лавочки.
У меня у девицы,
Приустали ноженьки,
Да отмахались рученьки.
Пристыдилось у меня
Мое лицо белое.
Уж вы дайте на очи
Белую лебедушку,
Родимую матушку».

Кланяется матери:

«Ты сыми-ко, матушка,
С души красны девицы,
С сердечного дитятка,
Мое платье цветное».

л. 318 Снимает платье. По свадебному ритуалу оно дарится кому-ли-
бо, обычно младшей сестре невесты. Эта процедура связана // с
передачей личного девичьего духа, красоты. Невеста спрашивает
и отвечает себе:

«Мне куда девать будет
Мое платье цветное,
С честной девьей красотой?
Уж отдам я, девица,
Его схожему солнышку,
Родимому батюшку.
Стар родимый батюшка,
Не ходит на гулянице.
Тоскливо будет красоте.
Нет, тут не место-местичко!
Уж отдам я, девица,
Белой лебедушке,

Моей родимой матушке.
Родимая матушка
Станет обряжаться,
Замарает красоту.
Нет, тут не место-местичко!
Уж отдам я, девица,
Соколочку ясному,
Родимому братейку.
Будет моя красота
В карточки проиграна,
В кабаке пропивана.
Нет, тут не место-местичко!
Уж отдам я, девица,
Свою девью красоту
Моей родимой сестрице.
Ты носи-ко, сестрица,
Береги, родимая. //
На веселом игрище
С тобой будет красота,
На твою работушку
Пойдет везде в товарищи.
Тут ей место-местичко!»

л. 319

Отдает платье и кое-какие украшения. Продолжает:

«Заносило на небе
Со полдня и с полночи,
Сокатились тученьки
В одну тучу грозную.
Надкатилась тученька
Над леса дремучие,
Над болота зыбучие.
Леса убоялися,
Сук за сук хваталися,
К земле приклонялися.
Надкатилась тученька
Над луга зеленые,
Над цветы лазоревы.
Травы убоялися,
Цветы закрывалися,
К земле приклонялися.
Надкатилась тученька
Над поля высокие,
Над хлеба едреные.
Хлеба убоялися,
Брунь за брунь⁶⁵ хваталися,

⁶⁵ Брунь — колос.

К земле приклонялись.
 Надкатила тученька
 К родимому татеньке
 Над наш двор колевчатый⁶⁶ //
 И стрелила стрелонька.
 Всех ведь Бог помиловат.
 Только меня, девицу,
 Меня не помиловал.
 Угодила стрелонька
 Мне в ретиво сердчико».

Кланяется сестре:

«Принеси мне, сестрица,
 Дай сенца зеленого,
 Травоньки шелковые
 Со любые поденки.
 Как скошоной травоньки
 Не приростить к кореям,
 Так отданой девице
 Нет уж, не возвратитъ
 Времечка минувшего,
 Нет уж, не заплетывать
 Косоньки по-девичьи,
 Нет уж, ей не гуливать
 По высокой горенце
 Родимого батюшка».

Сестра приносит сено. Невеста припадает к нему лицом. Древний обряд «одернования» в этом случае остался только как отдаленный намек на древнее его значение.⁶⁷ Девиды вместе с невестой поют:

«Близко золота стола
 Золотая лесенка.
 На первую ступень ступлю,
 Серебро рассыплется,
 На другу ступень ступлю,
 Жемчуга раскатятся.
 На третью ступень ступлю,
 Девица расплачется. //

⁶⁶ *Колевчатый*, от сканд. *Kollig* — веселый, спокойный.

⁶⁷ После отцовского благословения совершается заключительная обрядность — проведение под клочком сена или под куском дерна, «одежень». Эту обрядность в устьянском свадебном ритуале совершает почему-то сестра невесты. Проведенная под дерниной или клочком сена девица считалась уже рабыней. Этим обрядом все нити к свободе бесповоротно обрезались. Девушка бросается плашмя на землю и «вопит».

Как на синем на море⁶⁸
 Три червонных корабля.
 Как на первом корабле
 Много злата, серебра.
 На другом на корабле
 Много платья цветного.
 А на третьем корабле
 Девицы красавицы,
 Плачут-уплакаются,
 Слезьми уливаются».

Последний девичник

Пока невеста передает красоту, гости обедают. Едят они свои пироги и пьют свое вино. Родители невесты их ничем не угощают. По окончании их обеда выходят из заборки девицы с невестой и насильно вытесняют гостей из-за стола. Невеста обращается к жениху:

«Ты сидишь, чуж-чуженин,
 Ты сидишь обедаешь,
 Ничега не ведаешь,
 Оторвался твой добрый конь
 От столба точеного,
 От кольца злаченого.
 Убежал твой добрый конь
 Далек в чисто поле.
 Как во том чистом поле
 Лежат три дороженьки,
 Да три росотанюшки,
 Первая дороженька
 Во луга зеленые.
 Вторая дороженька
 На твою сторонушку, //
 Третья путь-дороженька
 Во леса дремучие,
 В болота зыбучие.
 Угодил твой добрый конь
 В третью путь-дороженьку
 Во леса дремучие,
 В болота зыбучие.
 Там ему, добру коню,
 И голова положити».

⁶⁸ Дальнейшая судьба невольниц хорошо известна из исторических источников. Их гнали и сплавливали в лодках на волжские рынки, а оттуда в Византию или в Азию через Черное или Каспийское море, корабль с де-вушками-невольницами встречается в одной из свадебных песен.

Обращается к отцу:

«Родимый мой татенька,
Дай мне саблю вострую,
Дай мне броню грецкую,
Да ружье немецкое.
Не жалей, мой татенька,
Ни свинцу, ни пороху.
Чужина-чуженина
Силу-рать великую
Выбивай из городу».

Вытеснив гостей, девицы размещаются за столом. Невеста причитает:

«Слава, слава Господу,
Да Христу Небесному,
Отказал мой батюшко
Чужину-чуженину
На чужую сторону».

Обращается к матери:

«Жалкая, желанная
Моя родная матушка,
Не жалей ты, матушка,
Хлеба-соли ситного
Любушкам-голубушкам,
Девушкам подруженькам, //
Накорми нас, матушка,
В девицах впоследствии».

л. 323

Родители невесты собирают теперь на стол и угощают невесту с ее подружками. Невеста причитает:

«Навеку не впервые,
Девицей впоследствии.
Уж вы дайте на глаза,
Приведите на очи
Родимого татеньку,
Да родимую матушку».

Отец и мать приходят:

«Уж ты сядь-ко, татенька,
Да родная мамонька,
На брусову лавочку.
Сядем пообедаем
Три недели девице
Не пилося не елося,

А теперь девице
Поесть захотелось».

После обеда невеста причитает:

«Спасибо те, батюшко
И родима матушка,
За хлеб-соль великую,
Да за гостьбу любезную.
Напилась, наелася
На три года круглые
Со белой лебедушкой,
Со родимой матушкой.
Из красна окошечка
Погляжу я, девица,
На широку улицу.
Стоят сады зеленые, //
Поют пташки веселые,
Поют не веселехонько,
А тихим-тихохонько».

л. 324

Невеста и девицы встают за столом, но не уходят. Невеста начинает «выкликать» к чарке или стакану пива сначала своих родственников, а потом и поезжан.

Обращается к брату:

«Голубочек сизенький,
Соколочек ясененький,
Родимой мой братейко,
Олександр Иванович,
Подойди подступи
Близко красной девицы,
Выпей чару хмельного.
У тебя, у молодца,
Голова во сто рублей,
Кудри во пятьсот рублей.
На икажной кудерьке
По скатной жемчужинке».

Подав рюмку вина или стакан пива, невеста кланяется вместе со всеми девушками. Так вызываются все ребята своей деревни. Приведу, для примера, еще два вызова.

1

«Назову по имени
Вознесу извотчинкой.
Свет Иван Иванович,

Подойди-ко, поступи
 Ко мне, красной девице,
 Выпей чару хмельную,
 Хмельную прощальную.
 Не ломайся, молодец,
 Не гордись богатством,
 Не хвались пригожеством. //
 Подойти тебе ко мне
 Не через поле чистое,
 Не через луга зеленые,
 Через одну лишь горницу».

2

«Подойди-ко, поступи,
 Петрован Ондриевич,
 Ко мне, красной девице,
 Выпей чару хмельную,
 На веку последнюю.
 По полу по горенке,
 Не по лесу темному,
 Не замочишь ноженек,
 Не изорвешь кафтанчика».

Каждый вызванный, выпив стакан водки или пива, кладет на поднос к невесте какую-нибудь серебряную монету. После соседей и своих родственников невеста вызывает женскую половину свадебного «поезда» и садит их за стол.

«Неохота девице
 Называть по имени,
 Величать извотчиной,
 Да назову по имени, —
 Вознесу извотчиной.
 Анна Николаевна,
 Подойди-ко, поступи,
 Выпей чару хмельную
 От меня, от девицы,
 Сядь со мною, девицей,
 За столы дубовые». //

После женщин вызывает жениха:

«Не клонись, головушка,
 Головушка буйная.
 Ты не гнишь, могут хребет.
 Неохота девице
 Называть по имени

Величать извотчиной
Чужина-чуженина
Неловкое имячко.
Федор Николаевич,
Подойди-ко, поступи,
Выпей чару хмельную
От мена, от девицы».

Жених пьет чару и дарит невесте кокошник. Она причитает, бросая кокошник в угол:

«Напахнул буен ветер
Со чужие стороны.
Перенес буен ветер
По ногам и по рукам,
По ретиву сердчику».

Обращается к жениху:

«Добры люди баели,
С ветром весть носилася
Про тебя, про молодца,
Что охоч ты, молодец,
Все деньки прохаживать,
Ночи все прогуливать,
По царевым кабакам
Пьяным напиватися,
По грязи валятися. //
Добры люди баели,
Сторона судачила,
Что охоч ты, молодец,
В карточки поигрывать,
Картами подкапывать,
Деньгами побрякивать.
Весь ты проиграешься,
Без штанов останешься.
Добры люди баели,
Да вороны каркали,
Как я буду, девица,
За тобой, за молодцем,
Что бывать мне, девице,
На вине пропиваной,
В кабаке заложенной,
В карточки проигранной».

л. 327

После паузы продолжает, низко кланяясь:

«Поклонись, головушка,
Головушка буйная.

Ты погнись, могут хребет!
Как я буду, девица,
За тобой, за молодцем,
Не поставь ты в винушку,
Не вороти кручинушку,
Не сама я вздумала,
Не сама придумала,
Добры люди баели,
Сорока судачила,
С ветром весть носилася».

Выходит из-за стола и кланяется жениху в ноги. Жених поднимает ее и целует. Невеста дарит жениха платком и берет кокошник. Потом берет она братыню с пивом и угощает всех поезжан. Поезжане уходят в другую избу. Невеста обращается к де-

л. 328 вицам:

«Уж вы спойте, девицы,
Честну девью песенку,
Во которой песенке
Часто поминается
Татенька и мамонька».

Девицы поют несколько песен, начиная, чаще всего, со следующей:

«Лучше бы я, девушка, у батюшка жила,
С утра день до вечера улочку мела,
Мела, мела улочку, распахивала.
Распахавши улочку, ко батюшке пошла.
От татеньки от мамоньки в зеленый сад ушла.
Села я, младешенька, под зелен под кусток.
Послушала я, девица, что пташечки поют.
Поют, поют пташечки, насвистывают,
Нам с дружкой желанненьким разлуку все сулят.
Эх ты, скука, разлука, чужая сторона.
Чужая сторонюшка без ветру сушит,
А лихая свекровушка без винности бранит,
Журит-бранит девицу, ругает завсегда.
Осержусь я, девица, на мати, на отца,
Три я года, девица, к ним в гости не зайду,
А на четвертый годичек пташкой полечу.
Родимого татеньку в море утоплю.
Свою родную матушку к сосне привяжу.
Родимого братейка в солдатики отдам.
Стану жить я, девица, в домике одна.
Лихой своей свекровушке не стану уважать».⁶⁹ //

⁶⁹ Исполнители и место не указаны. — А. В.

Пение девиц продолжается до тех пор, пока отец невесты с женихом и поезжанами не придут и не прогонят девиц с невестой из-за стола. Выйдя из-за стола, невеста причитает:

«Ох-ти мне, да ох-ти мне,
Ох-ти мне тошнехонько!
Отказал мне батюшка
От села-селищица,
Крепкого печищица.
Согнал мена батюшка
Со села со города,
Как лихого ворога.
Вы пойдемте, любушки,
Бедные голубушки,
Со мной во товарищи
На широку улицу».

Невеста и девицы уходят на улицу. Невеста прощается «со стороной», кланяясь на все четыре стороны:

«Ты прости, осталася,
Сторона родимая.
Сторона-сторонушка,
Сторона любимая.
Заростай, дороженька,
Ельничком, березничком,
Мелким подорожничком.
Не бывать, не хаживать,
Травоньки не минывать.
Ты прости, осталася,
Речка наша реченька,
Тихая, глубокая.
Не бывать, не плавывать,
По воду не хаживать. //
Вы прости, остались,
Все поля, высокие,
Да хлеба едреные,
Огороды частые,
Перевицы красные,
Колышки точеные,
Жердки золоченые.
Не бывать, не жанывать,
Снопиков не вязывать.
Вы прости, остались,
Поженки зеленые,
Травоньки высокие,
Цветики лазоревы,

Цветы духовитые.
Не бывать, не нашивать,
Травоньки не кашивать.
Ты прости, остались,
Ухожья любимые,
Где ходила девица
По грибы, по ягоды.
Видно, отходила я,
Видно, отгуляла я.
Не бывать во ельничке,
Во частом березничке.
Ты прости, осталася,
Каткая катушечка.
Ты прости, осталася,
Качкая качулинка.
Ты прости, остались,
Девичьи забавушки,
Игрища веселые,
Песенки игровые,
Видно, отыграла я,
Да отвеселилася». //

л. 331

Предлагает девицам вернуться в избу:

«Пойдемте, голубушки,
К татеньке во светлицу.
Сколько нам не гуляти,
Сколько нам не ходити,
Надо нам вернуться».

У дверей причитает:

«Забирайтесь, любушки,
За скобу железную.
Я правой ногой ступлю
Во светлую светлицу,
Во высоко горницу.
Встаньте, встаньте, любушки,
В ряд по половичинке.
Вы кладите, любушки,
Крест по-писаному
Поклон по-ученому».

Девицы выстраиваются в избе в ряд, невеста продолжает:

«Что не верба ломится,
Не вершина клонится,
Идут красны девицы,
Переводы ломятся,
Половицы колются».

Невеста здороваётся с поезжанами. При каждом обращении все девицы низко кланяются:

«Здорово во тереме,
В сутках, во большом углу,
Свышни спасы-образы.
Здорово во тереме,
На кирпичной середе,
Батюшке да матушке!
Здорово во тереме,
На скамье на дубовой, //
Дружка наша друженька,
Друженька хорошая.
Здорово во тереме,
Посаженной тысяцкой,
Самоглавный боярин!
Здорово во тереме,
Славный добрый молодец,
Сам ты, чужой-чуженин!
Здорово во тереме,
В сутках, во большом углу,
Посаженный сватовщик!
Здорово во тереме,
По за золоту столу,
Все князи да бояра!»

л. 332

Гости встают, отец берет икону. Невеста падает на колени и, обхватив его обоими руками, причитает:

«Попрошу я, девица,
У схожего солнышка,
У родимого тятеньки,
Божья благословеньица.
Уж ты дай мне, тятенька,
Свое благословеньице
На чужую сторону.
С твоим благословеньицем
На воде не танывать,
На огне не гарывать,
Станут боги миловать,
Станут люди жаловать».

Отец благословляет иконой. Подходит мать с караваем в руках. Невеста падает на колени и обхватывает ее руками:

«Попрошу у мамушки
Божья благословеньица.
Жалкая, желанная,
Моя родная мамонька. //

Жаль с тобой расстатися,
 Жалко распротитися.
 Пришло, видно, времячко,
 Надо нам расстатися,
 Надо распротитися.
 Уж ты дай мне, мамонька,
 Твое благословеньице
 На чужую сторону.
 С твоим благословеньицем
 На воде не танывать,
 На огне не гарывать,
 Станут боги миловать,
 Станут люди жаловать».

Мать благословляет невесту. Невеста падает на колени перед братом, обнимает его:

«Ты, голубчик сизенький,
 Соколочек ясенький,
 Мой родимый братейко.
 Уж ты дай мне, братейко,
 Свое благословеньице
 На чужую сторону» и т. д.

Так она прощается со всеми родными, прося у всех благословенья на чужую сторону. Потом отец берет невесту за руку и передает жениху. Девицы поют:

«Повел, повел батюшко
 Душу красну девицу
 Из раю пресветлого
 На чужую сторону.
 Отдал, отдал батюшко
 Со бумажных рученок
 На железны пащолки
 Чужину-чуженину».⁷⁰

Невеста обдаривает девиц гостинцами, и они уходят. Жених ведет невесту из дому. На этом причитания невесты кончаются. // В дальнейшем ритуале свадьбы ее роль совершенно пассивная и безмолвная. Вплоть до церкви она едет с закрытым лицом. Проезжая по деревням, молча раскланивается на обе стороны. В церкви женщины расплетали ей перед венцом девичью косу, а после венца заплетали две женских косы, укладывали их кругом головы и надевали кокошник. Кокошник был ее постоянным убором с этого времени. Даже и ночью он не снимался. Снимался только в бане и при расчесывании волос.

⁷⁰ Исполнительницы не указаны. — А. В.

Свадьба в доме жениха и «хлебины»

После венца свадебный поезд и родственники невесты ехали в дом жениха. Дальнейший ритуал ничем особенно не отличался от общеизвестных свадебных традиций и обычаев. Обсыпанье молодых зерном и хмелем, первое ложе на хлебных снопах и так далее. Единственно, что необходимо отметить, — это то, что свадебное угощение в доме жениха давалось не только семьей жениха, а всем его родом. Все родственники приносили свое вино и свои пироги. Они поочередно угощали новую родню своими приношениями, так что свадебный обед превращался в целую серию отдельных обедов. Это, безусловно, пережиток древнего родового уклада, когда свадьба считалась делом всего рода, а не одной семьи. Таковы же были «хлебины» — пирушка в доме невесты спустя несколько дней после свадьбы. На хлебинах род невесты угощал род жениха, и обед на хлебинах был такой же серией обедов, как и свадебный обед в доме жениха.

Из песен, которые пелись на свадьбе в доме жениха, можно отметить [следующую, под названием] // [«]Хороводная[»]. л. 335
Спрашивают и отвечают две партии: одна из родственников невесты, другая из родственников жениха.

1

— Соколы, млады, ясны,
Далеко ли вы летали?
— Далеко, далеко, во чистое поле,
Во раздольице во широкое.
— Уж вы что там видели?
— Уж мы видели, видели
Белого лебеда на заводе.
— Что же вы не взяли, не повзяли?
— Уж мы взяли и повзяли,
На белые руки подняли,
По суставчикам расщипали,
На блюбочка расклали,
Да все боярам раздали.
Уж вы лебеда рушайте, рушайте!
Не стыдитесь, гости, кушайте, кушайте!⁷¹

2

Отставала лебедушка
От стада лебединого.

⁷¹ Исполнители не указаны. — А. В.

Приставала лебедушка
Ко стаду ко гусиному.
Ее гуси стали поклевывать,
Незнакомые, пощипывать.
— Уж вы не клюйте-ко, гуси серые,
Не щиплите меня незнакомую.
Не сама я к вам прилетела-та.
Занесло меня погодою,
Да погодушкой немалою,
С частым дождем, да со вихорем.⁷² //

л. 336

3

Из-за леса, да из-за лесика,
Из раздольица из широкого,
Вылетал же млад ясен сокол,
Млад ясен сокол, белокрыльчатый,
Белокрыльчатый, да белоперчатый.
Он сажился к нам на горницу,
Да на высокие на палаты на боярские.
А выезжал же добрый молодец,
Привозил же он красну девицу,
Красну девицу, Анну Ивановну.⁷³

Часто пели партия на партию, стараясь превзойти друг друга. На хлебинах тоже имелись свои специальные песни, трактующие главным образом о гощении молодой в доме родителей, о ее тоске, об отношениях между зятем и тещей, часто с шутливым и даже фривольным содержанием.

4

Не во столики рюмочки бренчат,
Не стаканы выговаривают.
Анна гуляет по терему,
По высокому Ивановна.
Она белится, румянится,
Во цветное платье рядится,
У Федора в гости просится.
— Уж ты, Федорушко, ладушка моя,
Николаевич, удала голова,
Отпусти-ко в гости к бабушке,
Да к родимой моей матушке.
Дорогая буду гостыюшка,

⁷² Исполнители не указаны. — А. В.

⁷³ Записано в Дмитриевском с/с.

Наливная винна ягодка.
— Уж ты да Анна свет Ивановна душа,
Посиди-ко у меня в терему, //
Погляди-ко на меня, на сокола,
Да на Федю Николаевича,
Молодца, чистяка, беляка,
На коленки, на коленки, жонка, встань
Да на бутылку, на бутылку денег дай!
Как по бережку конь бежит,
По другому бежит сивый жеребец.
На коне сидит удалой молодец,
Што ли Федя Николаевич.
Он на коней-то погаркивает,
Ко двору он приворачивает,
Ко двору-то ведь ко тещюшкову,
К терему-то ведь ко тещиному.
— Уж ты, Аннушка Ивановна, душа,
Ты возьми-кося коня за удила,
Отведи коня во широкий во двор,
Накорми его пшеницею,
Ключевой напой водицею.
Што из терема, из терема бежит,
Бежит теща, только лесенка трещит,
Лишь ступенечки потрескивают,
У крыльца столбы покачиваются.
— Уж ты, зятюшко, ты, зятюшко, дружок,
Уж ты, Федя Николаевич,
Вот спасибо же, спасибо же тебе,
Что привез ты дочку Аннушку,
Наливную винну ягодку.⁷⁴

л. 337

5

Теща для зятя пирог пекше.
Три гуся, три утки, баранье стегно,
Свинины полоса да семь лебедей. //
Перцу да луку на семь рублей.
Соли да крупы на четыре рубли.
В печку садила, чело своротила.
Из печи вымала, всю печь изломала.
Зятенько пришел, до присадки съел.
Теща на зятя прогневалася.
— Как тебя, зятенько, не разорвало?
Да как тебя, зятенько, не растреснуло-то?

л. 338

⁷⁴ Записано в Дмитриевском с/с.

Заключение

Великий Октябрьский сдвиг 1917 г. уже набросил тени забвения на многие подробности обрядовых традиций северной деревни. В Дмитриевском сельсовете, где собран весь вышеприведенный материал, уже в 1925 г. большинство свадеб совершалось без церковной санкции, а в 1926—1929 гг. вообще все церковные обряды отошли в область преданий. Но бытовая обрядность оказалась более живучей и держалась до 1930—1932 гг. Эти годы принесли полный переворот во всем экономическом фундаменте деревни, а вместе с тем и во всех ее идеологических надстройках, в том числе и в свадебном ритуале.

л. 339 Все заменилось простой процедурой записи в отделе ЗАГС сельсовета и небольшой пирушкой до и после записи. Сплошь и рядом // даже и запись откладывается на неопределенный срок. Брачные союзы стали делом соглашения брачующихся, а не их родителей, что часто наблюдалось раньше.

Если горькие причитания невесты, идущие из времен работорговли, имели еще основание в условиях замужней дореволюционной жизни, то теперь эти основания отошли в область темных и тяжелых преданий. Брак перестал быть неразрывным ярмом, вечной каторгой для женщины. Поэтому вслед за прочими отмершими пережитками исчезли из быта деревни и свадебные причитания с песнями о тяжелой женской доле. Исчезла классовая расслоенность деревни внутри, исчезла классовая отчужденность к людям, стоящим вне деревни. Классовая отчужденность в брачном вопросе, несомненно, существовала. Деревенская девушка считала неприемлемым для себя брак с чиновником, дворянином и т. д., несмотря на видимую выгодность его для нее. Идеалом деревенской девушки была не бездельная жизнь за чиновником, а трудовая жизнь за крепким крестьянином. Это выражено и в фольклоре. Возьмем, например, следующую хороводную песню:

Захотела меня мать
За царя взамуж отдать.
Царь уедет воевать
Мне-ка горе горевать.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая!
Захотела меня мать
За попа взамуж отдать.
Поп с кадилом по могилам,
Мне кадило раздувать.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая! //
Захотела меня мать
За судью взамуж отдать.

л. 340

Судья судит за вино,
Меня засудит заодно.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая!
Захотела меня мать
За урядника отдать.
Он в рестанскую садит,
Мне рестанску сторожить.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая...⁷⁵

И так далее вплоть до Иванушка, простого крестьянского парня, которого девушка находит единственно подходящей партией для себя. К новым советским служащим этого отношения уже нет. Наоборот, девушка согласна идти за своим избранником в любые переплеты и положения, что выражается некоторыми частушками, вроде:

Мой миленок коммунист,
А я — коммуналочка.
На позицию пойдем,
Отчаянная парочка.

⁷⁵ Исполнители не указаны. — *А. В.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

НАРЯДНОЕ СЛОВО¹

[1]

Встану я на зорьке²
На ясной, на прекрасной,
Встану благословясь,
Пойду перекрестясь.
Стану я умываться
Чистым мылом,
Святой водой,
Холодной ключевой
Со стрелоньки громовой.
Поклонюсь, покорюсь
Зореньке ясной,
Марье-Марине-Маремьяне.
Сряди и набаси
Меня, красную девицу,
На чужую сторону,³

¹ Любовь и ненависть считались тоже чем-то вроде болезни. Их тоже можно было «насылать» и лечить заговорными словами. В связи со свадебным обрядом у меня даны дальше образцы «присяжных» и «нарядных» слов. Посредством присушных слов девушки или женщины старались привлечь к себе любовь мужчины.

Иногда прибегали к этому и мужчины, но значительно реже. «Нарядные слова» должны были окружать женщину или девушку атмосферой симпатии, придавать ей притягательную чарующую силу, действующую не на одного возлюбленного, а на всех окружающих, главным образом на свекровь, свекра и других членов новой семьи.

Здесь я привожу противоположные присушным и нарядным словам, так называемые «рассушные слова». Посредством этих слов старались внушить антипатию или ненависть между двумя любящими друг друга супругами или любовниками.

² Текст содержится в очерке 4 (л. 222—223, № 5). Записан со слов Офимьи Рогачевой. Исторический комментарий: «В этот же отдел я отношу несколько заговорных слов, направленных, с одной стороны, против девичей тоски, а с другой — имеющих целью покрыть девушку ореолом привлекательности. Обращаются они все к „красной девице“, обитающей на море-океане, заступнице славянских женщин. Несомненно, что возникли они под большим воздействием глубокой тоски проданных рабынь, а также под воздействием желания привлечь к себе симпатии чужих людей и этим облегчить тяжкую рабскую долю. Во всяком случае, они связаны с выходом взамуж и замужеством. А так как настоящий очерк зиждется, главным образом, на свадебном фольклоре, то приведение их здесь я считаю уместным» <...> (л. 217).

³ Заговор имеет много вариантов. Между прочим, щеть „красной девицы“ оказывается то золотой, то железной, то жемчужной и даже алмазной.

К чужим людям.
Казалась бы я
Лицом личиста,
В плечах плечиста.
Казалась бы и глянулась бы,
Как лазуревый цветочик,
Как жемчужный камешочик,
Как виноградная ягодка.
Все бы люди
Пришли-смотрели,
Отошли-хвалили,
И ныне и присно
И во веки веков. Аминь.

[2]

Встану я благословясь,⁴
Пойду перекрестясь
Ключевой водой умываться,
Громовой стрелонькой обтираться,
Смывать с себя
Худерьбу и похулу,
Намывать на себя
Красоту и похвальбу.
Пусть я баше,
Пусть я краше,
Краше и румянее
Схожего солнца.
Глянулась бы всем
И казалась бы всем
Плечами плечиста,
Речами речиста,
Походочкой всех бассяя.
Чтобы старые и малые //
Зрели и смотрели,
Глаз не сводили,
От меня не отходили.

⁴ Текст содержится в очерке 4 (л. 223—224, № 6). Анна Фед<оровна> Лопатина, ученица Мехренгской школы, со слов своей матери, 1928 г. Вариантов нарядных слов имеется много. Все их привести невозможно. Дальше, в связи с баней невесты, приводится еще один образец.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1

Полонянка за Дунаем¹
По крутому по красному берегу,
По желту песку по рассыписту,
Водле матушку, водле Дунай-реку
Тут ходила, тут гуляла душа красная девица.
Она вопила своим зычным голосом:
— Уж вы гой еси, перевозчики добры молодцы,
Перевезите-ко меня за Дунай реку.
Уж я дам вам перевозного пятсот рублей.
Уж как мало вам того покажется,
Так я дам вам всю тысячу.
И еще того мало покажется,
Так дам я вам со белых со плеч кунью шубоньку.
И еще того мало покажется,
Так дам я вам со правой руки злачен перстень,
И еще того мало покажется,
Так сама я к вам во полон пойду.²

2

О степном наезднике, похитителе девиц:

Отправлялся добрый молодец³
Во чистое полюшко⁴ гулять.
Перво полюшко молодец проехал,
На другое поле заезжал.

¹ Текст содержится в очерке 4 (гл. 2, л. 218). Сказки, песни и заговорные слова, содержащие те или иные следы эпохи работорговли. «Следы былой работорговли ясно заметны в некоторых видах фольклора, больше всего в причитаниях невесты. В сказках можно встретить только намеки на побочные обстоятельства из эпох работорговли, например о поездках за море для торговли или о похищении девиц. Мало следов работорговли и в песенном фольклоре. Только песню о полонянке на Дунае, без всякого сомнения, нужно отнести к эпохе работорговли, в остальных, приводимых в следующей главе, можно отметить только некоторые намеки на эту эпоху».

² Сообщившая эту песню старуха д. Кырканда Евдокия Мих<айловна> Кошелева говорила, что песня была длиннее, но всей она не запомнила, помнит только, что дело идет о полонянке, старавшейся попасть с чужой стороны на Русь. Под Дунаем тут подразумеваются вообще границы чужой земли, а под перевозчиками — торгово-разбойничьи дружины руссов.

³ Текст содержится в очерке 4, гл. 2, л. 219.

⁴ *Поле* — степь.

Как на третье полюшко заехал,
Начал сон его долить.
Ой да начал сон его долить,
Дрема с ног стала валить.
Привязал добра коня он к дубу
Ко сырому коня ко дубу,
Ко сырому ко дубозяку,
К серебрянному кольцу.
Ко серебрянну колечики,
Ой да на шелковый поводок.
На шелковый коня поводочик,
Да на шелковую на травушку,
На лазоревый цветок.
Да тут раскинул добрый молодец
Белый шатричек шатер.
Да он положил под головушку
Свое высокое седло,
Што такое ли седельшко,
Золотые стремена.
Да брал за ручку красну девицу,
Сам ложился с милкой спать.
Уж я лягу отдохну
Под дубок, под сосенку,
Под такую-ка сосенку,
Под кудряву зелену.
Што зеленая сосенка
От ветру шатается,
Ото сна ли добрый молодец
Пробуждай-буждается.⁵
Пробуждался добрый молодец, —
Нет коня, нету седла.
Нет коня, нету седлышка,
Да нет девицы у шатра.⁶

Новые варианты песни имеют продолжение:

Посмотрел он в чисто полюшко:
В поводу коня ведут.
Как на том ли добром конике
Красна девица сидит,
Слезно плачет, говорит:
— Ох ты, вор, дурак, изменщик,
Изменил, девку, меня.

⁵ Новая вставка вместо какой-то старой, позабытой. — *А. В.*

⁶ Старые варианты на этом и кончались. Безусловно, в такое неприятное положение могла поставить добра молодца только такая «милая», которой приходилось играть эту роль поневоле.

Знать, иную полюбил,
Ладишь взамуж ее братъ;
Ладишь взамуж ее братъ,
Меня, девушку, покидать.⁷

3

Тоска по воле:

Скажите-ко, гусли-мысли мои,
Да про мое горе-несчастье.
Ой да печальное сердечико мое.
Печальное сердечико мое,
Без престани тужит да тоскует оно,
Да все по прежней воле.
Куда воля деваласа,
Да куда потеряласа?
Ой да осталась волюшка
На родимой сторонушке.
Ой да на родимой сторонке
Да там волюшка осталась.
Да кабы к этой-то волюшке
Нажить сизы крылышки,
Да ко этим бы ко крылышкам,
Да позлаченные бы перышки. //
Младой молодец вызнялся бы высоко,
Вызнялся бы высоко, да полетел далеко,
К любушке сударушке своей,
Да сел-то бы я на окошечко,
Сел бы я на косисчато.
Да стал-то бы я ворковать,
Любушку-сударушку стал бы утешать.⁸

⁷ Евдокия Фед<оровна> Рогачева, д. Кырканда.

⁸ Федор Арх<ипович> Рогачев, д. Кырканда, 1926 г. Эта песня имеет и другие, значительно более обработанные варианты. Этот вариант мне кажется наиболее старым из них.